

Подюков И. А.
Чагин Г. Н.
Шляхова С. С.

ФОКЕЕВНА

документальная повесть

Александра Фокеевна
Старожила XX века
(70-е годы)

Дед Максим (по линии отца)

Александра Фокеевна
с мужем Иваном и зятем Сергеем

Александра Фокеевна
с дочерьми Вассой и Ириной

С Самоном (1990-е годы)

Александра Фокеевна
с мужем Иваном. Дети: Васса, Ирина, Михаил

Подюков И.А., Чагин Г.Н.,
Шляхова С.С.

Фокеевна

Документальная повесть

ПЕРМЬ 2009
Издательство «Сота»

УДК 94(470.53)
ББК 63.3 (2Рос - 4 Пер)
П45

Часть I/Фокеевна. Документальная повесть.
Часть II/Голуби на часовеньке.
Сказки и песни деревни Усть-Уролка.
Пермь: ООО «Издательство «Сота», 2009. — 84 стр.

В книге представлены фольклорно-этнографические очерки о деревне Усть-Уролка и о чердынской сказительнице А.Ф.Сторожевой. Подробно дается характеристика местной старообрядческой традиции, по воспоминаниям родных воссоздается облик народной поэтессы Александры Фокеевны. Приведенные в конце сборника письма А.Ф.Сторожевой дополнительно обрисовывают ее внутренний мир, объясняют ее взаимоотношения с родными, взгляды на жизнь.

Фотоматериалы из семейного архива Шляховой С.С.
Специальную фотосъемку выполнил Заровнянных В.Е.

ВВЕДЕНИЕ

11 марта 2007 г. исполнилось бы 90 лет Александре Фокеевне Сторожевой. Родилась она и почти всю жизнь прожила в уральской деревне с названием Усть-Уролка, что на правом берегу Камы, в Чердынском районе. Умерла 1 апреля 1998 г., покоится на старинном лесном кладбище.

Имя А.Ф.Сторожевой, талантливой сказительницы, хорошо известно многим поколениям диалектологов, фольклористов, этнографов. Примерно с 80-х г.г. XIX в. Усть-Уролка, далекая чердынская деревня на правом берегу Камы, становится местом паломничества исследователей народной культуры из Перми, Чердыни, Екатеринбурга, Москвы. Здесь записано огромное количество песен, духовных стихов, устных рассказов, сказок и быличек, а в 1992 г. снимается фильм «Песни села Усть-Уролка» (телестудия «Пермтелефильм», автор фильма — Л.Складнев). Александра Фокеевна — главная героиня фильма.

Фольклорных изданий, посвященных отдельному сказителю и отдельной деревне, к сожалению, не так много. Это прежде всего книги и статьи о знатоках фольклора, связанных с Русским Севером — о талантливой пинежской исполнительнице былин второй половины XIX — начала XX столетия М.Д.Кривополеновой (1843—1924), об авторе «новин» «Марфе-поморке» из Архангельской области (Марфе Семеновне Крюковой, 1876—1954), издания о жизни и творчестве народной поэтессы И.А.Федосовой из Олонекской губернии, об олонецком же сказителе И.Т.Рябинине, о Василии Абрамовиче Чупрове, печорском знатоке былин («старин»). Традиция исследования творчества отдельных мастеров народной словесности продолжается и в наши дни, о чем свидетельствует появление новых работ.

Так, в 2004 г. в Новосибирске выходит книга сказов, быличек, а также записок и прибауток Таисьи Пьянковой «Берегиня».

Одно из основных качеств фольклорного произведения — анонимность. Личный творческий акт в фольклоре — это лишь один из моментов непрерывной творческой деятельности всех носителей традиции. Фольклорное произведение, зародившись в процессе творческого сотрудничества многих, со временем шлифуется, с каждым новым воспроизведением обретает более совершенную форму. В то же время фольклор в своей эволюции все более демонстрирует постепенный переход от безличных (и бессознательных) форм к формам лично-коллективным. К нашим дням это личное начало имеет все возрастающее значение. Конечно, строгое следование творцами народного искусства нормам традиции сохраняется — это обеспечивает узнаваемость фольклорного текста в конкретном коллективе, дает слушателям возможность соучаствовать в его исполнении. Однако подчиненность традиции не препятствует проявлению индивидуального стиля сказителей и певцов, оставляет им возможность импровизировать. В этом плане крайне важным является тот факт, что Усть-Уролка, родная деревня А.Ф.Сторожевой, по праву может быть названа песенной деревней. Кроме Александры Фокеевны, богатым знанием песенной традиции здесь были наделены Екатерина Ивановна Зарубина, Матрёна Егоровна Зарубина, Евдокия Федосеевна Зарубина, Ирина Киприяновна Шаламова, Варвара Михайловна Сторожева, Оксания Абрамовна Шаламова, Екатерина Михайловна Михалева. Любопытно, что в песенную традицию села было «плотно» включено и мужское население Усть-Уролки. Старожилы Порфирий Данилович Зарубин, Андрей Григорьевич Селиванов, Иван Осипович Шаламов, Федор Михайлович Якутов — знатоки и отменные исполнители не только военных песен, но и свадебных величаний и даже невестиных плачей.

Фольклорное мастерство А.Ф.Сторожевой разнообразно. Она блестяще владела сказочной традицией, а её песенное мастерство (и особенно такая специфическая часть народного песенного искусства, как духовные стихи) в своё время стало предметом описания в статье Е.Б.Бойко (Вершининой) «Не вера наша ослабела — мы ослабели»¹.

Настоящая книга ставит перед собой задачу описания истории и песенной традиции родной деревни А.Ф.Сторожевой, ярким воплощением которой и стало её песенное и поэтическое мастерство. Публикуя под одной обложкой очерки об истории д. Усть-Уролка, воспоминания родных А.Ф.Сторожевой, заметки о языке и символике причетной традиции, о специфике и состоянии традиции духовного стиха, авторы-составители стремились показать органическую связь творческой манеры Александры Фокеевны с контекстом коллективной песенной традиции села и шире — с фольклорной традицией прикамского севера.

В книгу вошли материалы, собранные И.А.Подюковым (1973–1975 гг.), Г.Н.Чагиным (1974, 1981, 1984, 2007), записи композиторов В.Грунера, И.Ануфриева, А.Вершинина (эти материалы собраны в фольклорно-музыкальных экспедициях ГПМИ им. Гнесиных в Усть-Уролку 1981 и 1990 гг.), музыковеда Е.Б.Бойковой (Вершининой) (1991), материалы экспедиции Усольского историко-архитектурного музея «Строгановские палаты» (январь 2007 г., руководитель работ С.В.Хоробрых).

¹ См.: Медный всадник: Журнал Петровской академии наук и искусств. СПб., 1998. №2. С. 94–96.

Г. Чагин

УРОЛКА, УСТЬ-УРОЛКА...

Очерк.

Усть-Уролка — это часть единой и большой истории и культуры Чердынского края, которая, естественно, является и частью мировой культуры и которая когда-то щедро проявлялась во всем — в хозяйственном укладе, деревянном культовом и усадебном строительстве, промыслах и ремеслах, одежде и предметах быта, говорах, обрядах и праздниках.

* * *

Ко времени первой переписи населения Чердынского уезда в 1579 г. по р. Уролке существовала одна д. Усть-Уролка. Деревня входила в состав погоста Пянтег, объединявшего обширные земли по обоим берегам Камы¹. По р. Уролке известны поселения, городища, могильники IX—XIV вв., принадлежавшие предкам коми-пермяков.

Название д. Усть-Уролка порождает представление о ее местонахождении — при устье реки. Но расположилась она не в самом устье, а за четыре километра до впадения Уролки в Каму. Ниже д. Усть-Уролка, почти у р. Камы возникла еще одна деревня, получившая название Вилесова — по имени первого жителя — *Вилеса*. Можно предположить, что основатель д. Вилесова происходил из д. Усть-Уролка, так как, судя по писцовой книге 1579 г., в ней проживал Вилес Агафонов. Деревня Вилесова впервые упоминается в писцовой книге 1623 г. (см. приложение № 1).

¹ Погост как тип поселения выполнял две функции. Он являлся центром округа — в нем находились приходской храм, кладбище, изба для решения мирских дел. В этом значении его принято называть погост-место. Вместе с тем под погостом следует понимать и совокупность сельских поселений — деревень, починков, тяготевших к погосту-месту. Во втором значении он предстает как погост-округа. В XVIII в. погост заменили другим типом поселения — селом.

Слово Уролка относится к коми-пермяцкому языку. Оно состоит из двух частей: *ур* — белка, *оль* — сырое травянистое место с мелким лесом, или *йыв* — вершина, верховье. Суффикс *-ка* добавили русские. В окрестностях д. Усть-Уролка много топонимов коми-пермяцкого происхождения, например названия озер *Неты*, *Кочеваты* (*ты* — озеро), небольшого притока Уролки *Тушер* (*шер*, *шор* — ручей) (в начале XVII в. записано *Торжер*), урочища *Уштыгорт* (*горт* — дом, родина).

Топонимы являются своеобразными метками освоения пространства, включения его в сферу жизнедеятельности людей. Они раскрывают утилитарный подход, свойственный крестьянскому образу жизни. Русскими даны названия лугов и полей, отражающие их расположение, ландшафт, конфигурацию, особенности почв и растительности, способы ведения хозяйства.

Поля на возвышенных местах назывались *Гора*, *Высокие поля*, *При верхе*; поля с желтым песком — *Золотая Лысьва*; поля продолговатой формы — *Долгие полосы*; поля удаленные от деревни — *Дальние*, *Дально*; поля, выше пасеки — *Над пчельником*; поле, на котором часто случались заморозки — *Морозово*; заброшенное поле (в запуске) — *Шутем*, *Шутьмы*; поле, образованное на месте вырубленного и выжженного леса — *Чертеж*, *Гари*; поле, отделенное от другого поля лесом — *Кулига*; прибрежный заливной луг — *Паберега*; луг на участке берега, вдающегося в реку, — *Мысы*; луга по принадлежности — *Иванушко*, *Якутиха*, *Зортиха*; небольшое озерко, где мочили мочало — *Мочишо*; берег, к которому удобно причаливать — *Исада*; берег, на котором строили баржи — *Плотбище*.

Чтобы жители южной части д. Усть-Уролка могли постоянно пользоваться чистой водой, в давние времена был выкопан ров, по которому направили воду из родников. Речку назвали *Воротная* (*Воротница*), а ров — *Коп* (*Копанец*). Перекаты на р. Уролке, на которых ловили хариусов, назвали *Первая Быстрота*, *Вторая Быстрота*.

В наше время в связи с изменением условий жизни сельского населения и запустением лугов и полей идет активный процесс забвения названий географических объектов, так долго бытовавших в живой обиходной речи жителей д. Усть-Уролка. Так, поиск топонима *Сырма*, которым в писцовых книгах XVII в. неоднократно обозначалось место заготовки сена, не завершился успешно. Современное население его не знает.

* * *

Деревня Усть-Уролка застраивалась постепенно и всегда плотно. В 1579 г. жилых домов было 6, которые располагались на правом берегу. В XVII в. деревня разрасталась вдоль р. Уролки, сначала в один ряд, затем в два ряда. Писцовые и переписные книги отметили в 1623 г. 13 дворов жилых и 4 двора пустых, в 1647 г. — 27 жилых и 9 — пустых, а в 1678 г. — 34 двора жилых и 6 дворов пустых (см. приложение № 1).

Рядовая застройка была вызвана практической целесообразностью: от каждого дома шел путь к реке, с которой была связана хозяйственная жизнь. Река Уролка давала выход в Каму, по которой лежал удобный и короткий путь в погост Пянтег — центральное поселение округа. Пянтег располагался на левом берегу Камы.

В XVIII в. население д. Усть-Уролка не превышало сотни человек мужского пола. В первой трети XIX в., как показала VII ревизская перепись населения 1834 г., в 36 семьях проживало 273 человека (126 мужчин и 147 женщин). В дальнейшем продолжало расти население и увеличивалось число дворов — до 64 в 1897 г. и 79 в 1909 г. Жителей было, по переписи 1897 г., 412 человек, а в 1909 г. — 517 человек (см. приложение № 2).

Среди тех, кто в XVII в. проживал в д. Усть-Уролка, писцами названы *пинезжане, двиняне, кайгородцы, вятчане*. Эти имена явно указывают на места выхода крестьян — с р. Пи-

неги и Северной Двины (Северное Поморье), из Кайгородка (восточное Поморье), с р. Вятки. В целом население формировалось за счет пришлых русских крестьян, которые в д. Усть-Уролку попадали на условия жизни черносошного, позднее государственного крестьянства, а не владельческого населения. Но не все пришлые люди задерживались в д. Усть-Уролке. Переписные материалы сообщают о том, что они уходили как в одиночку, так и семьями на Сылву и Чусовую, в строгановские земли по р. Каме. Дворы пустые, показанные в переписях, — это и есть результат выхода крестьян за пределы д. Усть-Уролки (см. приложение № 1).

* * *

Ландшафтные условия способствовали заселению д. Усть-Уролки: побережье ровное, почвы, если их хорошо обрабатывать, давали неплохой урожай. На плане 1884 г. д. Усть-Уролка показана с чертами уличной формы. Кроме улицы Набережной (Односторонки) было еще две улицы: Богатая, с усадьбами «справных хозяев», торговыми лавками, и Крайняя улица. Улицы пересекались проулками, выходящими к реке и на поля. Усадьбы занимали углы кварталов. Несмотря на общую линейность, на плане 1884 г. просматриваются черты более старой, беспорядочной формы: некоторые дома стояли под углом к улице и проулку, даже выступали за красную линию.

Центром деревни являлась православная часовня на берегу р. Уролки, вокруг которой оставалась большая незастроенная территория. Прежде часовня была главным и единственным общественным сооружением во всей деревне. Место для нее было выбрано самое лучшее и видное, его называли «веселым» и «отрадным». Вокруг часовни росли березы, липы, огражденные изгородью.

В конце XIX — начале XX в. в д. Усть-Уролка получила дальнейшее развитие улично-квартирная планировка. Усадьбы ставились выше и ниже по реке от прежде сложившихся кварталов. Кроме того, деревня разрасталась в противоположную сторону от реки — на восток, занимая ближние поля. Появилась сначала улица Табашная, на которой обосновалось мирское (в отличие от староверов) население, а в конце 1930-х гг. — улица Хуторская, на которую свозились дома с хуторов¹.

* * *

Глянешь на д. Усть-Уролку со стороны реки или полей, и кажется, будто все сделано так, чтобы удобно было жить в ней любому хозяину. Все соответствовало естественным потребностям и вкусам человека, а еще и традициям севернорусской строительной культуры. Здесь повсюду чувствуется единство взаимосвязи деревни и природы.

Поражает преобладание в д. Усть-Уролка однотипных усадеб. Дома «трехкамерной связи» стоят вдоль улицы. Крыльца обращены на улицу. Они однотипные, на срубных бревенчатых клетках-*ряжах*, с двускатными крышами, опирающимися на столбики. У некоторых крылец боковые стороны закрыты досками — целиком и на две трети снизу. Крыльцо связывало дом с улицей, всей деревней и окружающим пространством. На нем отдыхали, беседовали, принимали гостей, выполняли разные работы.

С крыльца попадали в сени, а из них в избы — обычно в старую и новую, размещенные по одной линии. Крыши на избах преобладают двускатные, высокие, с длинными свесами, прикрывающими стены. На некоторых домах видны остатки элементов архаичной, безгвоздевой крыши — бревенчатые фронтоны-*самцы*, крюки-*кокоры* (*курицы*) для

¹ Власова И.В. Заселение и хозяйственное освоение русскими Северного Приуралья (XVI—XX вв.). — М., 1991. С. 80-83.

поддержания желобов, бревна *охлупные* вдоль князька крыши.

Окон обычно по два на двух сторонах избы — боковой, обращенной на улицу, и торцевой. Есть и по три окна на «уличной» стороне, но слишком редко. Витиеватых и затейливых украшений наличников здесь немного, но в некоторых местный плотник давал свободу фантазии. Декоративный талант передают наличники, украшенные сверху парными фигурами образов коней. Над окнами кони размещены по углам и обращены на внешние стороны. Между ними крупные волюты, раскрытые вверх и напоминающие рога животного. В основании волют — крест. В символе коня слышатся отголоски древних языческих времен, когда предки поклонялись коню как знаку солнца, быстроты, смелости и удачи. Ни в одной деревне по р. Каме нет такого обилия домов с фигурами коней, как в д. Усть-Уролка. Старожилы помнят мастера наличников с конями Николая Харитоновича Шаламова.

На верхних досках наличников — *очельях* — накладные фигуры солнечного диска — полного и неполного. На некоторых досках показаны три позиции движущегося солнца: посередине — дневное (оно), слева — восходящее, справа — заходящее. Дневному солнцу соответствует большая розетка, утреннему и вечернему — маленькие. Элемент декора в виде солнца распространился под воздействием культа огня. Солнце в жилище — это радость и благополучие. Признано, что его мотив получил наибольшее распространение в районах, где земледелие играло ведущую роль в хозяйстве¹.

Из сеней, приоткрыв дверь на противоположной стороне от крыльца, попадали в холодный двор, с наружной стороны которого стояли теплые хлева для домашних животных. Высокое пространство над хлевами, называемое *поветь*, *повить*, — на противоположной стороне от изб и сеней —

¹ Чагин Г.Н. Окружающий мир в традиционном мировоззрении русских крестьян Среднего Урала. — Пермь, 1998. — С. 148.

использовалось для хранения сена, инвентаря, транспортных средств. На поветь поднимались и заезжали на лошади с возами сена со стороны огорода по бревенчатому помосту-взвозу. Такие помосты — характерная особенность северных усадеб. В наше время они не сохранились. Все дворы с двускатной крышей, торцом обращенной к дому.

Сруб каждой избы — в плане почти правильный квадрат. Интерьеры изб исключительно севернорусского варианта. Они типичны для всего Северного Прикамья. Прежде стены гладко стесывали, а углы закругляли. Их и не красили, и не белили: местному крестьянину приятно было чувствовать природный материал.

Угол справа или слева от входа (в старых избах слева) занимает русская печь, перед ней — кухня-куть, *серета*, угол по диагонали от печи — красный, почетный, со столом и иконами. Обязательная обстановка избы — полаты над входом, широкие лавки вдоль стен, полки-поллицы над окнами, полки-грядки из двух брусьев или трех досок на линии, отделяющей красный угол от кухни. На кухне шкафы-поставцы или шкафы-залавки для посуды. Вход из избы в подклет-голубец оформлялся в двух вариантах: вдоль печи со стороны входной двери (глухой конструкции, типа шкафа, или с западной, сдвижной дверью, широкой лавкой-голубчиком над ней по уровню верхней доски печи) или в углу за печкой — в запечь.

В XX в. многие традиционные интерьеры изменены в соответствии с требованием времени и вкусов домохозяев. Среди новых элементов — постановка печи на значительном удалении от угла, вместо лавок — стулья, стены оштукатурены, потолки, полы и перегородки покрашены, полаты убраны. В домах часто встречается покупная мебель — шкафы, диваны, кресла, стулья, письменные столы, трюмо, книжные полки, тумбы для телевизоров.

В интерьерах домов получила распространение не только масляная покраска, но и цветочная роспись стен, шкафов, припечных досок. К сожалению, немало расписных

интерьеров утрачено не только в связи с переоборудованием обстановки, но и в результате покраски деталей интерьера. Расписной интерьер сохранился до наших дней только в доме, который принадлежал Н.И.Шаламову. Лучшее всего выглядит роспись на наружной стороне кухонной полки. Из расписного интерьера дома М.Л.Лопарёва происходит шкаф-поставец, которым пользуются в этнографическом уголке детского сада.

* * *

Земледелие, охота, рыболовство были основными занятиями населения. Поля и сенокосные угодья располагались компактно, и основная часть — недалеко от деревни. Большинство домохозяев обеспечивало себя хлебом и имело запас на следующий год. Так, по данным земской статистики, в 1909 г. только 8 хозяйств из 79 вынуждены были «прибегать к покупному хлебу». Но случалось, что хлеба своего на пропитание не хватало, так как климатические условия порой вызывали недороды.

У крестьян д. Усть-Уролки преобладало трехпольное земледелие, но при этом сохранялся перелог. Перелог являлся дополнительной системой земледелия. Когда земля в результате длительного использования истощалась, ее «бросали на отдых и разрабатывали новые делянки — вырубали лес и сжигали». В дальнейшем могли вернуться и не вернуться к заброшенным полям. *Шутемы, шутьма, залежь* — так крестьяне называли отработанные поля. Перелог был необходим, так как «одним паром землю поправить нельзя было»¹.

Охоту и рыболовство постоянно совершенствовали, но случалось, что и они не обеспечивали достаток семьи. Выручали приусадебные огороды и домашние животные.

¹ На путях из земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII-XX вв. — М., 1989. — С. 88-91.

В хозяйстве держали коров, телят, овец, свиней, кур, не обходились без лошадей.

На протяжении длительного времени по р. Уролке, ниже деревни, находилась мельница самого производительного устройства. В документах XVII в. мельница неоднократно называется «колесной наливной», то есть в ней жернова приводились в движение бревном-валом, вставленным в колесо с лопастями-перьями. Колесо вращалось за счет водного потока, направляемого из пруда на верхние лопасти-перья. Во второй половине XVII в. мельница принадлежала «чердынцу Петрушке Плотникову», который платил за ее использование в воеводскую казну «два рубля, три алтына, две денги»¹. Во второй половине XIX — начале XX в. такой же мельницей, стоящей на «прежнем мельничном месте», владели судостроители Сандраковы. Мельницу Сандраковых использовал колхоз, но в 1950-е гг. ее разобрали, сруб перенесли с реки на берег и установили электромотор, который приводил в движение жернова. Сруб и механизмы этой мельницы сохранились до нашего времени. Жители по-прежнему называют ее «сандраковской мельницей».

Еще в первой половине XX в. крестьяне не расставались с древнейшим типом мельницы-мутовки. По р. Туршер, притоку Уролки, стояло до пяти таких мельниц. Мутовкой назывался стояк с перьями-лопастями на нижнем конце, опущенным в воду. Движущаяся вода приводила стояк в движение, от которого вращался верхний жернов. Такие мельницы были и на других мелких речках. По воспоминаниям жителей, всех мельниц по небольшим речкам насчитывалось до десяти.

* * *

Успешному развитию населения в хозяйственном отношении способствовало местное судостроение. Леса имелось достаточно, река и ее берега для верфей были удобными, плот-

¹ РГАДА, ф. 137, оп. 1, л. 11, л. 29.

нические навыки давно сложились. Выходец из крестьянской среды старообрядец Михаила Амосовича Сандраков умело вел строительство и сбыт барж. Его предпринимательство являлось продолжением дела отца Амоса (умер в 1892 г.). В начале XX в. ежегодно строилось шесть-семь судов разных типов¹. Отец и сын Сандраковы имели родовое прозвище «Тимины». Тима (Тимофей), должно быть, был родоначальником их семейной линии. Возможно еще при нем началось строительство барж на р. Уролке. В 1918 г. судостроительное хозяйство М.А. Сандракова захватила новая власть, но долго развивать его не смогла.

Помимо судостроения М.А. Сандраков владел кирпичеделательным заведением, столярной мастерской, двумя кузницами. Одно время открывал «синильное заведение» для крашения холстов местных крестьян в синий цвет. На работы он нанимал крестьян не только д. Усть-Уролки, но и других сел и деревень, расположенных по р. Каме².

* * *

В 1924 г. д. Усть-Уролка становится центром сельсовета. Здесь работали начальная школа, библиотека, детский сад, клуб, медицинский, ветеринарный, заготовительный пункты, магазины. В развитии культуры деревни большую роль сыграли учителя и работники клуба и библиотеки. Они активно включились в кампанию «ликвидации безграмотности». Жители долго хранили память об учительнице Зинаиде Степановне Важенцевой, 1900 г.р., уроженки с. Пянтег, приехавшей в д. Усть-Уролку в 1918 г. по окончании Чердынской женской гимназии³.

¹ Кривошеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. — Пермь, 1914. С. 750.

² На путях из земли Пермской в Сибирь... — С. 68, 76.

³ З.С. Важенцева была замужем за сыном М.А. Сандракова Василисом. Она работала и в других школах Чердынского уезда, но более всего в г. Перми. В 1949 г. была награждена орденом Ленина. Автор статьи много раз слышал рассказы З.С. Важенцевой о жизни в д. Усть-Уролке, но в то время их не записал.

Коллективизацию переживали, как везде, болезненно. Раскулаченных было много. Старожилы и сегодня называют имена 18 «самых крепких и работающих мужиков, которых за свой труд и веру сослали, и они домой не вернулись». В.М.Шаламова, 1921 г.р., вспоминала: «*Мама долго ждала моего отца Мишу. Не знали, куда его и других мужиков девали, а потом узнали: из Чердыни увезли их в Свердловск и там расстреляли. А потом сказали, что все это было неправильно. Теперь о моем отце и о других наших мужиках написано в Книге памяти и фотографии приложены*». В.М.Сторожева, 1900 г.р., запомнила, что арестовывали людей в 1934 г.: «*В домах, где мужиков забирали, «хлеб вымели под голик» и нас заставили голодать. Все плакали, а женщины пели духовный стих: «Поздно, поздно вечерами, как утихнет весь народ...» и нас этим успокаивали*».

По свидетельству жителей д. Усть-Уролки, в конце 1920-х гг. местная власть отобрала у судостроителя М.А.Сандракова плотбище со всем его оборудованием, а также усадьбу с двумя двухэтажными домами на берегу Уролки, амбары, кузницы и мельницу. Его вместе с сыном Александром и снохой в 1929 г. выселили из деревни. Местом проживания ему определили поселок возле д. Семь Сосен, недалеко от Чусовского озера на севере Чердынского района, который предназначался исключительно для репрессированных. До сих пор старожилы рассказывают, что М.А.Сандракову удавалось дважды навестить д. Усть-Уролку, «он хотел умереть в своей деревне, но его кто-то выдал, не допустили умереть, вернули обратно, он там где-то и похоронен».

* * *

На протяжении длительного времени образ жизни населения д. Усть-Уролки был прочно связан с православной верой, представленной здесь в двух формах — официальной и старообрядческой. В конце 1910-х гг. в деревне появились не только старообрядцы часовенного, но и страннического (бегунского) согласия.

Сведений о старообрядческой вере населения д. Усть-Уролки раннего периода не имеется. Но, очевидно, начало ему было положено вскоре после раскола Русской Православной Церкви во второй половине XVII в. Старообрядцев здесь стало много, и можно предположить, что отдаленная закамская часть Чердынского края явилась местом спасения приверженцев старой веры и обрядов. Старообрядцы обосновались в деревнях по берегам Камы (Абог, Большие и Малые Долды, Печинки, Коепты, Яранина и др.) и не могли оставить без внимания район более глухой, в стороне от Камы — бассейн р. Уролки.

По самоопределению самих старообрядцев, в том числе Федора Николаевича Зарубина, 1902 г.р., являвшегося в 1970 — 1980 гг. духовным наставником, «большинство приверженцев старой веры относили себя к часовенному согласию». Он объяснял, что «*наша вера пришла с р. Кержанки¹...*», подчеркивая при этом, что «*часовенные раньше были беглоповцами, но когда беглоповцы ввели священство, часовенные и отошли*»².

Приведенное рассуждение Ф.Н.Зарубина по поводу принадлежности старообрядцев к часовенному согласию следует

¹ Правильное название реки — Керженец, левый приток Волги, устье которого находится у Макарьевского Желтоводского монастыря, напротив г. Лысково Нижегородской области. От названия реки пошло прозвище старообрядцев — *кержаки*. Оно более употребительно на Урале и в Сибири, причем кержаками зовут в основном старообрядцев часовенного согласия.

² Полевые материалы автора 1984 г.

пояснить. Признается, что часовенные первоначально были поповцами, то есть имели священников. По мере того как сокращалось число священников, общины вынуждены были обходиться без них. Постепенно они становились беспоповскими, и богослужения велись в часовнях, лишенных алтарей. Это и послужило их наименованию часовенными. Старообрядцы, которым удавалось заполучить (чаще всего переманить) священника из прихода официальной церкви (старообрядцы называли его еще никонианским), стали называться беглопоповцами, а их оформившееся согласие — беглопоповским.

Историю оформления старообрядческих согласий знали в д. Усть-Уролке и объясняли так, как ее изложили Ф.Н.Зарубин. Но при этом они допускали некоторую неточность, считая, что «часовенные раньше были беглопоповцами, но когда беглопоповцы ввели священство, часовенные и отошли». Естественно, старообрядцы, именовавшие себя часовенными, отошли от беглопоповцев, но только после того, как они вынуждены были вести богослужения без священников (попов) и в часовнях.

Наставник Ф.Н.Зарубин, рассуждения которого мы уже приводили, склонен был называть свое часовенное согласие еще спасовским. Спасовское согласие считается в старообрядчестве самостоятельным. Оно тоже беспоповское. Его называют еще нетовским, потому как у его приверженцев нет ни одного совершаемого ими самими таинства, а также нет священников и храмов. Спасись, по их учению, можно только читая молитву Спасову (Иисусову) и принося покаяние Богу наедине. Спасовское согласие появляется тоже на р. Керженце. Часовенное и спасовское согласия оформляются в Приуралье в результате миграции старообрядцев из нижегородских заволжских лесов. Представление об общности часовенного и спасовского согласий у Ф.Н.Зарубина, очевидно, исходило от того, что оба согласия распространились в Приуралье из одного центра — с р. Керженца и приверженцы его не имели священников, а возможно, и от какой-то общей обрядности, которую мы не выяснили при встрече с наставником.

О том, что старообрядческая вера древняя и «она спасалась по речке Кержанке», знала В.М.Сторожева, 1900 г.р. Ее дед «по обету от слепоты» ходил в Соловецкий монастырь и «поклонился старцам, которые долго отстаивали нашу веру»¹. Г.В.Шаламов, 1895 г.р., слышал, что было время, когда в д. Усть-Уролке «нашей веры не было, ее приняли только наши деды, но давно»².

Часовенные старообрядцы д. Усть-Уролки имели деревянный собор³. Он стоял в стороне от реки, на краю квартала. Уже название здания для богослужения *собором* говорит о высокой значимости местной старообрядческой общины. Духовного отца — наставника — выбирали всей общиной, но он таковым считался после того, когда его благословлял прежний духовный отец. Если такового не было, то приглашали из другой общины. Старожилы в 1980-е гг. вспоминали, как судостроитель М.А.Сандраков привозил Василия Антиповича Войкина. Старообрядцам надолго запомнился наставник 1920-х гг. Василий Михайлович Сандраков: «При нем была еще служба уставная. Он пел в соборе, все со старушками. Учился в Московской духовной семинарии»⁴.

Усть-Урольская община часовенных старообрядцев имела школу, в которой обучались дети на церковнославянском языке. Собор и школу строили и содержал судостроители Сандраковы. Ф.Н.Зарубин, с которым мы беседовали в 1984 г., обучался в старообрядческой школе.

Духовный наставник вел богослужения, совершал чин крещения и отпевания. При крещении соблюдалось правило: в купели ребенка не переворачивали. В момент нашего посещения д. Усть-Уролки в 1984 г. Ф.Н.Зарубин крестил месячного младенца, привезенного родителями на катере из отдаленной д.Печинки. По случаю крещения в доме готовилось праздничное угощение.

¹ Полевые материалы автора 1974 г.

² Там же.

³ В 1930-е гг. собор разобрали, здание использовали для пекарни.

⁴ Полевые материалы автора 1984 г.

Молодые не вступали в брак без благословения родителей. И как только их благословляли, духовник совершал в соборе венчание. Но венцы молодым не надевали: «венчались только в цветах». Если семья распадалась, на бывших супругов накладывалась епитимья. После этого разрешалось венчаться второй раз.

В 2000-е гг. община часовенных старообрядцев продолжает сохраняться. Наставником является Софья Абрамовна Цыпуштанова, 1930 г.р. В ее доме собирается по большим праздникам до 15 человек — «кто хорошо соблюдает веру, а кто и слабо». Наставница при встрече с нами в 2007 г. рассказывала: «По старой вере не училась. Заставили книги читать и затянули меня... Свою веру называем староверской, себя — староверами. В соборе старообрядческом Сандраковых-баржестроителей была, но тогда там все было разрушено. Фокеевну (А.Ф.Сторожеву. — Авт.) поминаю каждую субботу. После ее смерти дочь Ирина дала мне Псалтырь с наказом: поминай моих родителей и родных с обеих сторон — с материнной и отцовской. Крестить детей привозят из поселка Курган, а из деревень нет, в них по старой вере уже никто не живет. Свечи делают в Кургане. Там одна старушка читает Псалтырь по умершим людям. Некоторые молодые люди читать книги могут и нашу веру продолжают»¹.

Странническое (бегунское) старообрядческое согласие — это тоже беспоповцы, выделившиеся в XVIII в. из филипповского согласия. Их вера была более категоричная. Толкуя Священное Писание, они усмотрели, что антихрист есть царь и всякого рода власть, даже само государство. Единственное спасение от антихриста — это уйти в странствие, не допускать связи с властью, что нашло выражение в отказе от недвижимого имущества и документов, не записываться ни в каких государственных бумагах. Единственной уступкой явилось разрешение пользоваться деньгами. Но прожить на таких условиях было невозможно. Поэтому из числа таких старообрядцев выделялись люди, которые с миром не прерывали. Их

¹ Полевые материалы автора 2007 г.

называли странноприимцами. В своих домах они принимали странников, оборудуя для них особые кельи — тайники. Странноприимцы ухаживали за единоверцами, снабжали их продуктами, одеждой, при необходимости — и деньгами.

В домах совершались богослужения, крещение, отпевание, но венчание не допускалось. Крестили «в смерть», то есть тогда, когда человек болел и предчувствовал «предсмертное состояние». После крещения человеку давалось новое имя, и он начинал жить на условиях странничества — без документов и официальной записи, в отрыве от гражданского общества.

В д. Усть-Уролке в странничество (бегунство) начали переходить в конце 1910-х — начале 1920-х гг., но охватило оно небольшую часть населения. В 1980-е гг. еще были живы люди, которые встречались с Еварестом. Они знали, что ему удалось обратить в странническую веру почти все население Верхней Колвы и Печоры, ранее придерживавшееся старообрядческого поморского учения. История утверждения странничества (бегунства) на севере Чердынского края получила освещение в научной литературе благодаря тому, что в 1970—1990 гг. нам пришлось изучить его в ходе общения с теми старообрядцами, которые являлись свидетелями принятия новой веры на Верхней Колве, а также с предельной старшей Чердынского братства странников (бегунов) Галиной Андроновной — подлинным идеологом учения¹.

По воспоминаниям жителей, основатель страннических общин на севере Чердынского края и на Печоре Еварест Евдокимович Пинаев дважды бывал в д. Усть-Уролке и со своим товарищем Иваном Афанасьевичем вел беседы в течение нескольких дней. А.Ф.Сторожева, 1917 г.р., вспомнила Галину Андроновну, когда она в 1920-е гг. жила здесь, и показала дома, в которых обосновывались тогда странники (бегуны)².

¹ Чагин Г.Н. История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX века. Пермь, 1999. — С.45–48; Сморгунова Е.М. Духовница матушка Галина // Русские старообрядцы: язык, культура, история. — М., 2008. — С.359–365, 522–529.

² Когда мне пришлось в очередной раз встретиться с Галиной Андроновной в ее келье в д.Нюзим на Верхней Колве, я рассказал ей, что в д.Усть-Уролке люди помнят ее. Впоследствии Галина Андроновна подарила мне лестовку и тетрадь с выписками из «Октоиха», которые она выполнила в д.Усть-Уролка. Тетрадь с записью пения крюками, с красивыми заставками поморского письма, которую Галина Андроновна написала глухариным пером.

Дома эти принадлежали братьям Сандраковым — Василию, Федоту, Николаю. Они имели родовое прозвище «Обрашины», под которым их помнят современные жители деревни. Очевидно, что прозвище шло от имени прародителя Обращина (Обросима, Обращки — народные варианты полного календарного имени Амвросим). Оба дома двухэтажные, занимали угол квартала в центре деревни. После хозяев дома использовали для сельсовета, медпункта, детсада, школы. В настоящее время они пустуют и разрушаются.

В 1970–1980 гг. у странников (бегунов) д. Усть-Уролки большим авторитетом пользовалась Улита Егоровна Мамаева, 1917 г.р. Она происходила из местного населения. Ее большой дом стоял на южной окраине деревни и одновременно в стороне от других домов. Жители д. Усть-Уролка называли его «кельей красноверов». Нам приходилось бывать в этом доме в 1974-м и 1984 г. и подолгу беседовать с его хозяйкой, которая находилась на положении странноприимца. Она ухаживала за пожилыми людьми, и сколько их было у нее тогда — осталось нам неизвестно.

Часовенные старообрядцы, как они сами отмечали, «бегунов не уважали, называли их красноверами» и постоянно с ними полемизировали. Сами же странники (бегуны) именовали себя «христианами» и «истинно православными христианами». Часовенные рассказывали нам разные случаи из тех, которые им были известны. Например, отмечали, что «бегуны раньше хоронили своих умерших воровски, тайно, в лесу», «одна старуха у Улиты жила лет десять, и никто об этом в деревне не знал».

В 2007 г., когда мы вновь обратились к изучению д. Усть-Уролки, людей, придерживавшихся страннической (бегунской) веры, было три человека. По праздникам они собираются у А.Г.Михалевой, читают Псалтырь. Про Евареста и Галину Андроновну помнят. А.Г.Михалева вспоминала: «Мама и бабушка были по этой вере. Мамина тетка жила в г. Ревде и тоже придерживалась этой веры. В Усть-Уролке двух старушек хоронили, которые жили у Улиты без записей. Но мало

¹ Полевые материалы автора 2007 г.

кто шел в эту веру, она сильно гонимая была. Еще лет 20 назад на Пасху собиралось человек 15, а теперь только трое»¹. На наш вопрос: «Не объединиться ли странникам (бегунам) с основными старообрядцами, вас мало и их немного», А.Г.Михалева отвечала: «Веру менять нельзя, это очень большой грех. Нам надо оставаться в той вере, в которой жили наши родители». Слишком большая закрытость старообрядцев-странников неизбежно вела к сокращению бегунской общины.

Старообрядцы страннического (бегунского) согласия д. Усть-Уролки постоянно поддерживали связь с единоверцами г. Ревды Свердловской области и г. Данилова Ярославской области. В конце 1980-х гг. в г. Данилов уехали супруги Шаламовы с дочерью, а вскоре и Улита Егоровна, дом которой долгие годы был пристанищем странников¹. Там же бывала А.Г.Михалева, с которой мы общались в 2007 г. Поясним, почему усть-урольские старообрядцы-странники не забывают единоверцев г. Данилова. Там, как известно, и возникло в XVIII в. согласие странствующих старообрядцев (бегунов), которое прежде всего утвердило «жизнь без связи с обществом». Очевидно, в наше время в г. Данилове еще сильная община и немало грамотных старцев.

* * *

Помимо старообрядческого собора, на берегу р. Уролки стояла часовня «никонианская», то есть официально признанного православия. Она и отдельно стоящая колокольня были деревянными. На колокольне висело шесть колоколов. Часовня посвящалась святым Петру и Павлу, и их день календаря — 29 июня — праздновался наиболее торжественно. В деревню съезжалось много гостей. Также праздновались Николин день весенний и Покров день.

Некоторые нынешние жители бывали в детстве в часовне и помнят ее местонахождение. В.М.Шаламова, 1921 г.р.,

¹ Ее сын Григорий продолжает жить в д. Усть-Уролка.

рассказывала: «Часовня и колокольня стояли на берегу, ниже дома баржестроителей Сандраковых. Берез, которые росли вокруг нее, давно нет, а липа одна еще стоит. Колокольню разобрали и заложили в силосную яму. Ограда была. Один раз с мамой заходила. Мама была из д. Вилесовой, и вера, по которой молились в часовне, была ее родительской. Помню: свечей много горело, иконы висели, в один голос как запоют, все только и слушают...»¹.

* * *

Ценностью старообрядцев д. Усть-Уролке являлись книги. Книги — это словесная христианская культура. Но каким собранием обладала местная община, никто не зафиксировал. Можно предположить, что оно было, несомненно, репрезентативным. К сожалению, книги, как и иконы, уничтожались. Когда в 1984 г. пришлось вести этнографическое исследование среди населения д. Усть-Уролки, то мы обращали внимание на книги². Кое-какие сведения отложились в полевых записях, которыми воспользуемся, чтобы приоткрыть хотя бы маленькую завесу по этой теме.

Когда мы вошли в дом духовника Ф.Н.Зарубина, он сидел за столом и читал «Трефологион», 1638 г. В переднем углу избы лежали следующие книги: «Псалтырь», 1915 г.; «Златоуст», 1915 г.; «Меняя общая», 1908 г.; «Канонник» большой, начало XX в.; «Зонар», 1911 г.; «Канон Пасхи», начало XX в.; «Житие Николая чудотворца», 1911 г.; «Житие Василия Великого», середина XIX в.; «Святцы» рукописные, начало XX в.

В доме А.Ф.Сторожевой, у которой старообрядцы собирались на моления, хранился «Златоуст» с двумя очень цен-

¹ Полевые материалы автора 2007 г.

² В полевых исследованиях 1984 г. участвовала И.В.Поздеева, руководитель археографической лаборатории МГУ, которой и принадлежит определение книг.

ными записями. Первая запись: «Сия книга 7396 года (при переводе это 1888 г.) Амоса Степанова Сандракова, декабря 15 дня» сообщает время приобретения и принадлежность ее А.С.Сандракову, то есть отцу М.А.Сандракова, который нам известен как судостроитель и благотворитель местной старообрядческой общины. Вторая запись сообщает время смерти первого владельца, а очевидно и приобретателя «Златоуста»: «Амос представилса 7400 года мая 1 дня» (при переводе это 1892 г.).

У А.Ф.Сторожевой познакомились с двумя рукописными книгами. «Чин двенадцати псалмов» начала XX в. с вклеенным документом, в котором три записи: «...1902 году месяца декабря, 7 дня по доверенности моим сыном Лазарев Ивановым Мошегов и росписался по сему заявлению своеручно»; «Переплетал сию книгу Бондюжской волости деревни Ракиной Лазарь Иванов Мошегов»; «Бондюжскому господину лесничему его благородию крестьянина Бондюжской волости деревни Ракиной аленадор Иван Константинов Мошегова заявление. Имею честь заявить вам, что я пользовался покосными местами оброчными под номером 3, 138, 31, 39, 3, 140, под названием Завертишное, в Кривцах, Змеевка и Черная речка, и уплачено все за 12 лет в Чердынское казначейство 59 р. 40 коп.». Вторая книга — «Псалтырь», которую, как отметила А.Ф.Сторожева, писал Лазарь Мошегов. Она слышала от пожилых людей, что Лазарь Мошегов приходил в д. Усть-Уролку из д. Ракино¹ и писал книги, за что «его кормили, как плотника».

В доме у У.Е.Мамаевой в 1984 г. были показаны книги: «Златоуст» 1913 г., «Канонник» почтаевской печати конца XVIII — первой половины XIX в. на ярославской бумаге, «Цветник», 1907 г., «Пролог» на июнь, июль, август, начало XX в., «Чин двенадцати псалмов» начала XX в. К сожалению, каких-либо записей в них не обнаружено.

¹ Деревня Ракино Бондюжской волости Чердынского уезда, расположена вверх по Каме, севернее д. Усть-Уролки.

* * *

Из всех деревень, окружающих д. Усть-Уролку, ближе располагалась д. Вилесова. Она находилась на том же, правом берегу Уролки, в 3 км по реке и лесной дороге. Хотя население обеих деревень было постоянно осведомлено друг о друге, имело общие хозяйственно-бытовые черты, но резко различалось по вероисповеданию. В д. Усть-Уролке преобладали старообрядцы, а в д. Вилесовой их никогда не было. В первой половине XVIII в. в д. Вилесовой появляется житель с фамилией Боринских, которая впоследствии становится преобладающей. В XX в. самое большое число дворов доходило до 24, и 23 домохозяйина имели фамилию Боринских, а один — Якутов.

Все жители д. Вилесовой придерживались обрядов официальной православной церкви. Они относились к приходу Ильинского храма в с. Пятнег, куда удобно было им добираться летом по Каме, а зимой через д. Яранина. Все жизненно важные обряды — крещение, венчание, отпевание справлялись в Пянтеге. На кладбище Пянтега хоронили своих умерших родных. В д. Вилесовой наиболее чтимым был Петров день.

В живой обиходной речи жители деревень пользовались коллективными прозвищами. Устьурольцев называли *волками*, вилесовцев — *овцами*, яранинцев — *баранами*, пянтежцев — *водохлабами*, коептян, жителей д. Коепты, — *зайцами*, а д. Исток — *источинами* и *дырдышами*. Несомненно, прозвища основаны на наблюдениях за поведением и характером людей. Сегодня ими продолжают пользоваться, но очень жаль, что народные объяснения их смысла забыты.

* * *

Большинство фамилий нынешних жителей д. Усть-Уролки относится к архаическим, бытовавшим в XVII—XVIII вв. Преобладают Зарубины¹, Сторожевы², Мамаевы, Шаламовы, Михалевы, Цыпуштановы, что свидетельствует, с одной стороны, о длительной «закрытости» культуры и быта, с другой — о наличии родственных семей, с третьей — об обращении их носителей к традиционным ценностям (см. приложение №1).

Старожилы подтверждали, что жители д. Усть-Уролки чаще всего заключали браки в пределах близлежащих деревень. Женились и выходили замуж преимущественно за «одноверцев», то есть старообрядцы за старообрядцев, православные официальной церкви за таких же православных. Случались браки и «смешанные по вере», но «исправленные вскоре», то есть один из супругов, чаще всего жена, принимал веру другого супруга. У крестьян существовало твердое убеждение, что «семья должна жить по одной вере».

О брачных связях жителей д. Усть-Уролки раннего времени мы имеем редкий источник — материалы III ревизской переписи (сказки) 1762 г., в которой при характеристике семей указано «откуда жены взяты» и «куда дочери выданы замуж»³. Из записанных 45 семей только в 8 семьях (17,7 %) жены являлись уроженками д. Усть-Уролки. 32 жены (71,2 %) были взяты из 3 сел и 18 деревень, расположенных на близком расстоянии по р. Каме в Чердынском уезде. И только 5 жен (11,1 %) происходило из дальних мест — Соликамска, Чердыни, д. Глебово под Чердынью, д. Тренина под

¹ А. Ф. Сторожева, на материалах которой создана данная книга, до замужества имела фамилию Зарубина. Зарубин, как житель д. Усть-Уролка, впервые записан в переписной книге 1647 г.

² Фамилия Сторожев, которую приобрела героиня нашей книги в замужестве, впервые встречается среди жителей д. Усть-Уролка в переписной книге 1678 г.

³ РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 4055, л. 239 об.-252 об.

⁴ Там же, л. 244 об.

Соликамском и одна жена из г. Пустозёрска, находящегося в низовьях р. Печоры. О семье, в которой супруга была из самого далекого места, записано так: «Степан Трофимов Мамаев 30 лет, у него жена Ульяна Иванова дочь 30 лет, взята Пустозерского острожку Ивана Кевролы»⁴. Из 12 девушек, записанных в ревизскую перепись 1762 г., 4 выходили замуж в д. Усть-Уролка, а 8 — в близлежащие деревни¹.

Зная картину брачных связей XVIII в. и принимая во внимание поздние сведения старожилов по этому же вопросу, видим, что на протяжении длительного времени родственные связи складывались в пределах небольшой округи д. Усть-Уролки.

Расширение брачных связей активно проходило в конце XIX — начале XX в., что было вызвано приходом населения из соседних деревень на работы к судостроителям Сандраковым. Как известно, наравне со взрослыми мужчинами приходили и девушки. Их охотно приглашали на подсобные работы и на конопатку судов. Некоторые из них оставались в д. Усть-Уролке навсегда.

По переписным материалам и рассказам старожилов, в д. Усть-Уролке преобладали семьи исключительно русские и большие — из трех поколений, численностью до 10—15 человек. К сложным по составу, так называемым неразделенным, относились семьи из супругов с детьми женатыми, внуками и даже правнуками. Сохранялись семьи, в которых вместе жили женатые сыновья, образуя несколько семейных пар, чаще две. Такие семьи устьурольцы называли «братскими семьями». Приведем примеры «братских» семей: «*Андрейко да Якушко, да Еремко Ивановы дети Сторожевых. У Андрюшки дети Пронка осми лет да Пахомко четырех лет, да Евдокимко году. У Якушки сын Петрушка полгода, у него же Якушки живет Захарко Ипаив сын Марков*»² (1678 г.); «*Трифон Федоров сын Мамаев 44 лет, его дети: Онофрий 25 лет, Козма 20 лет, Степан 12 лет. У Онофрея сын Иван 2 лет*» (1747 г.)³; «*Зарубин Варфоломей Никонов, умер в 1832 г., его жена Елена 60 лет. Их сын Иван 34*

¹ Там же, л. 239 об—252 об.

² РГАДА, кн., 352, л. 350 об—351.

³ Там же, ф. 350, оп. 2, л. 4053, л. 199 об.

*лет, его жена Евдокия 32 лет, у них дети: Михайло 17 лет, Козьма 6 лет, Федосья 10 лет, Софья одного года. Брат Варфоломея Никонова Емельян 50 лет, его жена Варвара 46 лет, их дети: Корнило 21 года, его жена Прасковья 20 лет*¹ (1834 г.).

* * *

Вплоть до 1930-х гг. население Усть-Уролки сохраняло в неприкосновенности вековой уклад жизни. Не оставалось ни одной стороны жизни, в которую бы ни проникала православная вера. Православие не было единым, в нем конкурировали старообрядцы и приверженцы официальной церкви. О глубине проникновения старообрядчества в сознание людей можно судить по тому, что большинство жителей д. Усть-Уролки были его стойкими приверженцами еще и после кардинальных перемен в крестьянском укладе жизни в советские годы. В сознании местного населения д. Усть-Уролка выглядела опорным и значимым центром старообрядчества в Чердынском крае.

Если сегодня пройтись по улицам д. Усть-Уролки, то непременно охватит тяжелая грусть. Судьба деревни в целом схожа с судьбами многих российских деревень. Домов в ней по-прежнему много — около сотни, но жилых — не более 50. Летом приезжают родственники, а зимой деревня замирает. Поля не обрабатываются, только на ближних полях косят траву. В 2005 г. д. Усть-Уролка утратила свой административный статус. Но работают еще клуб, библиотека, воспитываются и учатся 12 детей в саду и школе, размещенных в одном доме.

Несомненно, нынешние жители д. Усть-Уролки обладают большой информацией о прошлом времени, и многим событиям и переменам они дают правильные оценки. Но они грустят от того, что их родная деревня подходит к полному запустению. «*Семьи были большие, женились ребята, дома строили, никто никуда не уезжал. Если бы не разрушали веру, не выселяли мужиков и если бы не война, у нас город бы был, а то все распалось...*», — так правильно рассуждает В. Н. Шаламова, 1923 г.р.

¹ ГАПО, ф. 111, оп. 1, д. 2367, л. 64 об—65.

ФОКЕЕВНА

Документальная повесть

САНА МАКСИНЫХ: «ДРАТЬСЯ ИЛИ БОРОТЬСЯ?»

На лето нас, внучек, отправляли к бабушке в деревню. Одна из запомнившихся забав — это когда баба Сана задорно-воинственно выкрикивала «Драться или бороться?», и мы с криком «бороться!» наваливались на неё, барахтались, хохоча и радуясь. Эта игра — не метафора ли ее жизни? Кажется, что всю жизнь бабушке приходилось «драться и бороться» — за выживание, за хлеб, за веру, наконец, за женское счастье.

Близкому человеку трудно создать объективный, «правильный» портрет. Положенные в основу очерка воспоминания самых близких к Александре Фокеевне людей (прежде всего, дочери Ирины и сына Михаила) в отдельных деталях не совпадают — что делать, человеческая память избирательна. Кому верить? Да всем, ведь у каждого своя правда. Слова самой Александры Фокеевны воспроизводятся по памяти, по воспоминаниям, которые я записывала с ее слов в начале 1980-х годов, а также по материалам фильма «Песни села Усть-Уролка», снятого на телестудии «Пермтеелефильм» в 1993 году...

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ

Родилась 26 февраля по старому стилю (11 марта) 1917 года в д. Усть-Уролка, крещена в староверском Усть-Урольском соборе (позднее в помещении, где его проводили, была пекарня). Окончила ликбез (несколько недель обучения чтению и письму). В 1935 г. вышла замуж за урольца-старовера Ивана Федоровича Сторожева. В 1937 г. родилась дочь Ирина, в 1940-м дочь Василиса, в 1953-м — сын Михаил. С 1935 г. работала в колхозе (награждена медалью «За доблестный труд в

Великой Отечественной войне 1941–1945 г.». После войны некоторое время, спасаясь от деревенского голода, жила с семьей в Березниках, затем снова вернулась в Усть-Уролку.

В 1967 г., в 50 лет, осталась вдовой. Через 17 лет «взяла в дом» Самона Николаевича Шишигина, родом из д. Шишигино, с ним и прожила до смерти. Умерла 1 апреля 1998 г. в д. Усть-Уролка. Небогатая на события жизнь, которая укладывается в простую схему обычной человеческой жизни: рождение — брак — материнство — работа.

ПОРОДА

Бабушкин род со стороны отца — старообрядцы. По семейной легенде, предки по отцу Зарубины пришли откуда-то с Дона в период гонения на старообрядцев. Есть и другая легенда — поговаривали, что род Зарубиных имеет отношение к Ивану Никифоровичу Зарубину (он же Чика, он же «граф Чернышев», он же «граф Иванов» — один из приближенных Емельки Пугачева). Бабушкин племянник Сашка Зарубин, парень сорвиголова, считал себя прямым потомком Чики, утверждая, что раскопал эти данные в архивах.

В рукописных списках жителей г. Чердыни упоминается «чердынец Карпушко Зарубин» (1683), а еще раньше, в «Писцовой книге Ивана Яхонтова» (1579), — «крестьянин погоста Анисимов на р. Кемзель Петруня Заруба». Прозвище Заруба могли дать человеку со шрамом¹. Получается, что Зарубины обитают в этих местах с XVI в. Со времени, когда и возникла деревня Усть-Уролка².

ФОКЕЕВНА: «Моей мамы мать — Таня, а у отца — бабушка Варвара. У Варвары умерла мать, а у Тани отец, и вот которые остались, поженились. Вот и стали Таня да Варвара сводными сестрами. Дочки-остальцы дрались. У Варвары сын Фока, у Тани Анна в дочерях. Сошлись две сестры-

¹ Полякова Е. Н. К истокам пермских фамилий. — Пермь, 1997. С. 87.

² Однако считается, что первые старообрядцы появились там лишь в XVII в.

остальца и стали сватать Анну за Фоку. Были сводные сестры, стали сватьи».

ИРИНА (дочь): «Ведь как считали — порода Максиных (это мамин род) считалась хорошей, верующие, работающие, некурящие, негулящие, интересные, умные люди. Хоть и говорили, что дедушка Фока изменял бабушке Анне»¹.

ФОКЕЕВНА: «Макся-то — это мой дедушко. У ево дочь Дуня была. У Дуни ребенок случился. Она сбросила в воду — нагуляла потому что. Кто-то бредником выловил, и дали Дуне вечную ссылку. Узнали по молоку, молоко ведь идёт. Карточку её я видела — снята в арестантской одежде. На Южном Сахалине много годов была. Взамуж вышла, две девочки у иё. Вот тут и война с Японией, японцы заняли этот остров. Людей всех высадили на берег. Двадцать дней шли, бросали пищу, одежу, детей. Вышли на Амур, их пароход подобрал. Три раза полный людьми до Омска ходил. Макся к ней пошел туда. Искал, спрашивал по адресу, и на зятя нарвался. Рано умерла Дуня»².

По времени эта история относится к концу XIX — началу XX в. Сахалинская ссылка, как известно, была самой тяжелой: туда ссылали тех, кто совершил самые страшные преступления. Если вспомнить очерк А. Чехова «На Сахалине», который был там в это же время, то можно хотя бы прибли-

¹ У староверов-беспоповцев официальные браки и венчание отрицались, и семейно-брачные отношения были весьма незатейливы. По словам бабушки, «свадьба не нужна тогда была — взял за руку и увел». Не вызывали резкого осуждения множественные браки (в том числе и для «солдаток»), наличие в семьях приемных детей от разных браков (сводные сестры Таня да Варвара), добрачные и внебрачные связи (история Дуни и измены Фоки), повторный брак, особенно для овдовевших. Вероятно, определенная замкнутость староверов интуитивно предполагала необходимость сохранения кержацкой породы, увеличения ее численности. Кстати, бабушка с дедушкой тоже поженились (по словам бабушки, «вступили в колхоз») до свадьбы, и только потом деел пришел ее сватать официально. Со вторым мужем жила не венчана и не зарегистрирована. Характерно, что бабушка не беспокоилась, когда мы, городские девочки, во время каникул гуляли с деревенскими ухажерами допоздна. Только однажды предостерегла: «Ты смотри, он мужик ужо, а не парень, потом будёшь плакать».

² Возможно, именно эта незатейливость семейно-брачных связей заставила моего прапрадеда Максью идти искать, а не проклинать дочь-детоубийцу Дуню-каторжанку. История с Дуней интересна еще и тем, что бабушка как-то очень подробно ее рассказывала, она почему-то казалась важной для нее.

зительно представить всю трагичность положения дочери Макси.

ИРИНА (дочь): «Порода Фетисковых (папин род) тоже считалась очень хорошей. Они были еще более строгими приверженцами старообрядчества. У моего папы Ивана Федоровича умерла мама (Пелагия), и его отец Федор Кириллович, хотя и овдовел в 54 года, жениться не стал. Порода Фетисковых — от имени прапрадеда. У Федора Кирилловича отец — Кирилл Фетисович, а у него отец Фетис, про него мне ничего не известно. Федор Кириллович был очень строгим в соблюдении религии: не пил, не курил, не ел картофель — считалось грехом. Из жизни не выкинешь — порода. Не секрет, в деревне были всякие люди — пили, курили, гуляли, плохо работали, били жен, детей, не было большого ума, смекалки. С ними не роднились».

ТАМАРА (внучка): «Я помню, бабушка дядю Егора (мужа сестры Капы, сестры бабушки .— С. III.) все время ругала: «Бёрдо ты разбёрдо». Она считала, что он из плохой породы, а тетя Капа вышла за него потому, что уж очень красивый был, да и мужиков в деревне после войны не было». Бабушка часто говорила, глядя на внуков, «наша порода» или «не наша порода».

ТАТЬЯНА (сноха): «У нас она Наташку любила, говорила, что эта «наша». Говорила: «Вот все в глазах она у меня стоит, вот эта наша». Может, лишний раз и погладит ее».

Но даже «наша порода» не всегда устраивала ее. Помню, как она смотрела на меня с жалостью: «Господи прости, кто ж тебя такую взамуж-то возьмет»? Я не обижалась, смешно было: «Ну неужели совсем никуда не гожусь»? А она: «Безрукая ты, ничо делать не умиёшь. Косить не можошь, ягоды не собираёшь, корову подоить не можошь. Вот наши-те девки деревенские, оне в городе не пропадут».

ИРИНА (дочь): «Когда умер Сталин, мама сказала: «Слава Богу, этот душегуб сдох». Тех урольцев, которые высылали людей (посадили ее отца, свекра, дядей), она называла людоедами и не разрешала мне дружить с их детьми. Хотя мы учились в одной школе, мама сразу же пресекала все ухаживания ребят из этих семей за мной и сестрой. Говорила: «Родниться с душегубами не дам». Из этого клана ухаживал за мной Сашка, но мама сказала мне, что это его родители погубили моих дедушек и дядю. И запретила встречаться».

Очень показательно, что в молодости бабушку звали Сана Максиных (т. е. в сознании окружающих она «включалась» в род деда Макси), а после замужества Фокеевна (т. е. по мужу не звали, как это обычно бывает в северных деревнях; была сама по себе, по отцовскому роду). Отец её — Фокий Максимович Зарубин, крестьянин-единоличник, старовер, мать — Анна Ивановна Боринских. Анна Ивановна родилась в д. Вилисово (2 км от Усть-Уролки), была по новой вере — никонианка, но, выйдя замуж, перешла в старообрядчество. У них было пять детей — первая девочка умерла совсем маленькой, затем родились сама Александра, Капитолина (1925), Анисья (1930), Илья (1937).

ТАТЬЯНА (сноха): «Отец Фокеевну-то очень любил. Мать у них все в конюшне рожала. И все девки рождались, а надо было сына — Илья-то уже совсем поздно родился. Вот Фоке-то люди и говорят: «Оставь девку-то в конюшне, на что тебе столько девок». А он на руки возьмет младенчика, посмотрит и говорит: «Ну, такой-то у нас еще не было».

ИРИНА (дочь): «Все дети были любимыми, рождались со значительными перерывами. Фокий Максимович был веселым человеком, заводилой. Начинал хороводы. Ходили «на луг» — место в центре деревни. Знал много круговых песен. Не пил, не курил. По рассказам, был умным, с прогрессивными взглядами. В то время он не считал зазорным принести воды, истопить печь, испечь хлеб, сходить в лес за

ягодами, вымыть полы. А вот мой папа, к примеру, когда я родилась, если и ходил за водой, то ночью, стесняясь женской работы, — такие тогда были нравы».

МИХАИЛ (сын): «Я маленький еще был. Дядя Илья тогда жив был, шофером работал. Вот как-то вороны уселись на черемухи — вокруг дома черемухи высаживали, чтобы пожар не перекидывался с дому на дом. Вот вороны как начали каркать, а дядя Илья давай из ружья их распугивать. Баба Анна испугалась, и у нее начался приступ. В деревне говорят — «бес вселился». Я так испугался, она говорит не своим голосом, так страшно. Илью как начала ругать, я на печке аж сжался. Полчаса, где-то так, потом все прошло».

ФОКЕЕВНА: «Детство у мя тяжелое было. В Сибирь родители поехали за деньгами. Все продали, подались в Новониколаевск¹. Прожили полтора года в Сибири, деньги не пошли. Приехали обратно домой, к деду. Стали дом строить, три коровы было. За зиму построили братья дом². Это была семья бабушкиного свекра, с которым она прожила так около трех лет. Вместе с ними жила сестра мужа Секлетия — ровесница бабушки. Потом все братья построили свои дома и поселились рядом. У Фоки было пять братьев, и все их дома стояли рядом, они вместе выполняли все работы, т. к. жили «на свое хозяйство».

ИРИНА (дочь): «Дом у Фоки состоял из двух половин: первая служила для повседневной жизни, а вторая половина, где всегда было чисто, половики, прохладно летом и тепло зимой, — для отдыха. Общался он и с интеллигенцией. У них одно время жил учитель Иван Иванович».

¹ С 1903 по 1925 г. название Новосибирска.

² В двух словах — Гражданская война в судьбе простых людей. Интересно здесь также проследить семейный уклад: неразделенная семья, где в одном доме жили два поколения (родители — дети — дети с семьями).

ИРИНА (дочь): «Жили бедно, все добывалось натуральным хозяйством. Сеяли лен, рвали, сушили, трепали, пряли, ткали, шили, сами красили разными травами и кореньями. Я еще помню у бабушки Анны сарафан — темно-синее поле и белые кисти ягод на этом фоне. Шили обувь — летняя обувь из кожи с опушкой и шнурком, пропущенным через нее. Стельки из сена. Очень легкие были, я сама в них ходила. Носили лапти, валенки-самокатки. Женщины не знали никаких штанов, чулки шерстяные до колен, юбки и сарафаны — длинные».

ФОКЕЕВНА: «В колхоз стали собирать — мы не пошли. Стали прижимать: сто пудов хлеба налог, а их нет. Кобыла пропала (кобылу за сто пудов отдали), пая не дают. Сеяли артелью, отдавали, и не хватало, снова занимали. Хлеба нет, пришли, все выгребли. 70 пудов и штраф 100 рублей — не то суд. У тетки Палашки (сестра Анны Ивановны. — С. III.) тятя заложил швейную машину — заплатил в сельсовет, через три дня снова 100 рублей давай. Где взять? Тятю посадили, зиму сидел. Что в колхоз не шли, считали за саботаж. Потом строили, на барже работали — вольнозаклученные. Денег не давали».

ИРИНА (дочь): «Фока был ходоком к М. И. Калинин у Москву, т. к. был не согласен с поголовной коллективизацией. Был против колхозов и не вступил в колхоз».

ФОКЕЕВНА: «Мать ходила на работы государственные, а тятю с братьями обсудили, по 10 лет каждому. Подавали в кассацию, в Москву. Дали вольную ссылку на 3 года, только не жить в своем районе. Собрали деньги, Фокей поехал к Калинин у Москву. В Москве шпана, беспризорники — вместе с ними спал на насыпи, с вокзала выгоняли. В кабинете их судили как кулаков, а отец доказал. «Все не так», Калинин сказал. Взял документы, дал адрес. Помню, с навоз возила, смотрю, тятя идет. Пришел и остался дома».

В роду Зарубиных (не Сторожевых) эта история выглядит более романтично: по этой версии, Фока ходил в Москву заступаться за соседскую мать-одиночку с тремя детьми, у которой отобрали корову и дети умирали с голоду. Когда Фока доехал до дома, его арестовали¹.

Эти события происходят в конце двадцатых — начале тридцатых годов. Время коллективизации. Но впереди новые аресты.

ТАТЬЯНА (сноха): «Вот еще баба Шура рассказывала, что когда отца забрали, вечером такой грохот раздался. Почему-то с крыши бревно скатилось, вдруг ни с того ни с сего оно вечером скатилось. Все высypали на улицу, а Шурина мать говорит: «Какое-то несчастье будет». И отца вечером забрали». ФОКЕЕВНА: «В 1937 году взяли из деревни самых лучших. Взяли отца, свекра моего Федора и сына его Захара. 33 человека из 100 домов, с конфискацией имущества».

ИРИНА (дочь): «А что отбирать-то было — холсты, чугуны, листы (противни), половики, забрали корову, свинью. Анна считалась врагом народа, часто грозили: «Вот и ты пойдешь дорогой мужа». Ну какие мы были кулаки или враги? Просто порядочные, честные, работающие люди. А лодыри и безбожники стали заправлять в деревне, все, что забирали, оставляли себе. Бабушке моей Анне досталась тяжелая доля. Анна осталась в 1937 г. с грудным ребенком и с двумя малолетними детьми на руках, без куска хлеба, все отобрали. Тогда забрали Фоку Максимовича. Расстрелян, где — неизвестно. Я обращалась в прокуратуру г. Перми. Ответ — смерть от упадка сердечной деятельности, место

¹ Удивляет в этой истории многое. По 10 (!) лет каждому из пяти братьев за то, что не вступили в колхоз, нежелание братьев смириться с наказанием и замена тюрьмы вольной ссылкой на 3 года. Но братья Зарубины продолжают восстанавливать справедливость. Простой крестьянин, добравшись до Москвы, доказывает свою правоту. Можно полагать, что отмена наказания была связана с вышедшей тогда статьей Сталина «Головокружение от успехов».

захоронения не установлено. Забрали их за то, что верили в бога. В 1954 г. все обвинения были сняты».

МУЖ

Сторожев Иван Федорович, колхозник-старообрядец, родился в 1910 году, окончил 4 класса церковно-приходской школы. Его отец — Федор Кириллович Сторожев, мать — Пелагия Прокопьевна Боринских. У них было пять детей: Феодосия, Секлетия, Захар, Иван, Капитолина.

ТАТЬЯНА (сноха): «Баба Шура рассказывала, что свекор ее любил, она же в его доме была за хозяйку, шустрая была, со всем скоро управлялась».

ИРИНА (дочь): «Федор Кириллович хорошо читал духовные книги. Он научил маму молитвам, читать Псалтырь. Всегда спокойно, тихо поднимал ее утром, она вставала и работала по хозяйству — пекла хлеб, готовила еду, ткала, пряла, стирала».

ФОКЕЕВНА: «Я ушла замуж за Ваню, на семь лет старше, то же наш, уральской. Я его боялась, но видела, что хорош, но не форсистый, без фигуры, но лицо красиво, молчаливый, белой, румяной, красной. Другие парни лучше нравились, вот хоть Гриша брал. Но у Гриши семья мирская, а мне надо старовера. Врала ему чё-ко, но не шла. Ишо Гриша из Суземья, но не нравился он мне, из Истока Ваня, Савва Смуровых — не пошла. А Ваня с октября до восьмого марта сватал. Я не шла, не хотела. Он тетку Палашу послал по меня, и я пришла к ней поночевать. А там Ваня. Вот и «вступили в колхоз» у ей. Бедно жили. Свадьба не нужна тогда была — взял за руку и увел. Потом уж пришли сватать. Ушла в 17 лет».

ИРИНА (дочь): «Мама и папа поженились в 1935 г., по старым обычаям — сватовство, девичник, свадьба, приданое. Мама была красивой, живой, умной. У нее было много поклонников, но вышла замуж не по любви, как это раньше в основном было».

МИХАИЛ (сын): «Я сам не могу понять, почему она Ивана Сторожева выбрала. Может, они богатые потому что были — дом у них самый богатый был, жили зажиточно».

ИРИНА (дочь): «Обвенчались в Урольском соборе. Официально зарегистрировались только в 1953 году, да и то лишь потому, что сыну Мише не хотели давать фамилию отца, а записывали на материнскую»¹.

В 1936 г. Иван учился в Чердыни на курсах ветеринаров, откуда его отчислили за то, что был сыном и братом врага народа.

ФОКЕЕВНА: «У Вани 4 класса, ему трудно было на курсах етих. Один год в Чердани все-то и был. Его отца Федора и брата Захара забрали в 1937 г., Захар робил председателем колхоза или сельхозартели, чо ли».

ИРИНА (дочь): «1938 г. ночью забрали дедушку Федора, не объяснив за что, не дали даже одеться. Забрали корову, холсты, телку. Искали книги церковные, не нашли. Хлеб, какой в колхозе причитался — все забрали. У матери я на руках, молока нет, коровы нет. Хорошо, добрые люди дали козу».

В бабушкиной семье было арестовано сразу трое: отец Фока, свекор Федор и брат мужа Захар. Все сгинули безвозвратно, где похоронены — неизвестно. Сталинские репрессии выкосили сильную староверскую ветвь семьи, остались

¹ Очевидно, в этих историях и неважность для семьи государственной регистрации, и стремление создавать семью со «своими» по вере.

«слабые по вере». Бабушка говорила: «Не вера ослабела, а мы ослабели».

Потом из семьи уходят и остальные мужчины — Отчественная война.

ФОКЕЕВНА: «Ваня робил плотником в колхозе, на лесозаготовках, сенокосил. Пришли из сельсовета — война де. И сразу повестки, людей повезли. Ваню взяли весной».

ИРИНА (дочь): «В 1940 г. папу взяли на трудовой фронт, где он работал в «Уралхимстрое» плотником, там он обучился и столярному делу. Он был хороший плотник и столяр-краснодеревщик. Мама все время работала в колхозе, всю войну продержала корову, хотя плохо было с сеном. Даже картошки не хватало, у нас огород маленький был».

ФОКЕЕВНА: «В 1941-м Ваню увезли на Дальний Восток, потом в Ленинград. Попал в блокаду, там и прожил — защищал город».

ИРИНА (дочь): «На войне папе досталась лихая доля: был телефонистом-связистом. В любое время суток, где и под бомбежками, приходилось восстанавливать связь. Он вспоминал, что приходилось мокнуть, лежать в снегу, грязи, воде. Может, оттого и умер рано, в 57 лет, от рака легких. Служил в дивизии второго Белорусского фронта, был участником обороны Ленинграда. Мы не расспрашивали папу о войне, а он никогда сам о ней не рассказывал. Помню, мы в Ленинград ему высылали сушеные грибы и картофель, а больше нечего было».

ФОКЕЕВНА: «Был на реке Одырь (*Одер*. — С.Ш.), дошел до Польши, Эстонии, дошел до Германии, за 40 км от Берлина».

ИРИНА (дочь): «Вернулся он только в июле 1945 года, их держали в резерве на случай войны с Японией. Помню,

мама привезла его из Керчево на лошади. Он в военном обмундировании, высокий, красивый, с незнакомой речью. Я его не узнала, залезла под лавку. Странная реакция: ждала его невыносимо, молилась каждый день, и вдруг спряталась. Васса же сразу к нему на шею. Он привез белой муки-крупчатки, ситец, что-то еще». Специально к приезду деда с войны бабушка сшила белый платок из шелка, кисти крючком надвязала, он у меня сейчас хранится».

ИРИНА (дочь): «В 1949 году папа уехал в г. Березники на работу плотником в «Уралхимпромстрой». Поговорка тогда еще была: «Уралхимстрой — хоть работай, хоть стой, все равно карман пустой». Жили там до 1956 года, затем вернулись, построили дом в Усть-Уролке. Дом-то строили, думали, что вся семья дома будем жить».

ТАТЬЯНА (сноха): «Баба Шура рассказывала, что дед-то Иван бесхарактерный был. Бабушка всем командовала, он у ней под каблуком был».

ИРИНА (дочь): «Мама была ведущей в семье, а папа был исполнителем. Друг друга они дополняли. Мама — огонь, пламень, папа — само спокойствие. Я не видела внешних проявлений ласки у них. Жили в одной избе, но я не знаю, когда они ссорились. Но если при ссоре папа скажет: «Эх, ты, ты, ты, ты...», мама сразу стихала, умеряла пыл, и все становилось на места. Мама никогда не говорила, что папа когда-либо поднимал на нее руку». Выдержанным был, скромным, никогда не ругался. Самыми страшными ругательствами были «якуня-ваня» и «эх ты-ты-ты...». По тем временам считался грамотным. Его уважали за трудолюбие и порядочность и всегда называли Иван Федорович — имя-отчество в деревне надо было заслужить».

МИХАИЛ (сын): «Отец меня только один раз отлупил. За кожу. Он кожу сделал валенки починивать, а мне лыжи

купили – надо же крепления. Можно было и другую кожу взять, а мне ведь тоже надо форс держать перед парнями. Отец пришел домой: «Где кожа»? Помню, между ног сунул меня, и лупить ремнем. Мать как налетела на него: «Хватит тебе!»

МИХАИЛ (сын): «Скандалов у них никогда не было. Папа придет пьяный, мама орет, а он только улыбается. Помню, был Покров день. Он пьяный пришел. Был у дяди Ефима, у наших свояков. У старой мельницы, нижний конец деревни, все наши дома – Зарубинские. Он у них посидел, и пока шел, видать, падал несколько раз. В Покров день у нас в избе все поют-пляшут, дым коромыслом, а отец заходит, грязнуший весь, мать как на него понесла. А он: «Ты, старуха, не ругайся». И пал спать».

ИРИНА (дочь): «Папа был хороший рыбак. В субботу всегда уезжал на рыбалку с ночевкой. В воскресенье его ждала баня и обязательная бутылочка. Но пьющим не был. Все говорят о пьянстве в деревне, но у нас этого не было. К праздникам варили пиво, сусло, квас делали постоянно. Папа любил песни «Черный ворон» и «Поедем, красотка, кататься...».

В отношениях бабушки с дедом все было не так просто. Бабушка не раз говорила, что без любви «взамуж» пошла.

ТАТЬЯНА (сноха): «Баба Шура рассказывала, что Ивана она, конечно, не любила, а он-то ее шибко любил. Я, говорит, привыкла к нему, он очень добрый был, детей любил».

Умер Иван Федорович Сторожев 26 октября 1967 года.

ИРИНА (дочь): «С тех пор я не люблю осень. И в 1967 году было 50-летие власти, отмечали с размахом. Папа болел тяжело, но молчал. Он, видимо, все понимал, хотя я обманывала его с диагнозом (у него был рак легких). Лучше бы он обругал меня. Умер тихо, незаметно».

Только через семнадцать лет бабушка снова «взяла с дом мужа», Самона Николаевича. Самон овдовел, жил один и был согласен на все, лишь бы она стала жить с ним. Условия были жесткие: прописывать его в доме бабушка не будет, всю пенсию отдавать ей, никакой регистрации.

ТАТЬЯНА (сноха): «Самон-то в примачи пришел. Он ее долго уговаривал, та не соглашалась. А он как-то пришел и сказал: «Я не уйду». Устала она одна, сил не стало уже дом содержать такой, все стало рушиться и валиться. Воды некому принести. Дрова, вода, скотина, а вдвоем легче. Скотину они все держали, и покос был, и баню он поставил. Самон шибко горевал: «Я так боюсь, что она вперед меня умрет. Я ведь только с ней покой-то увидел».

МИХАИЛ (сын): «Как в деревне жить без мужика? Одиночество вынудило и тяжесть деревенской работы. Вот и встретились два одиночества. Мы приехали, маманька мне: «Миша, ну вот так и так». Они ждали разрешение мое. Не Ирины, не Вассы, а мое, не знаю почему. Они очень хорошо жили».

ДЕТИ И ВНУКИ

У бабушки трое детей, шестеро внуков и трое правнуков. Численность «породы» явно идет на убыль.

В двадцать лет бабушка родила первого, в тридцать шесть последнего: Ирина, Васса, Михаил. Дети росли крепкими, красивыми, умными:

ИРИНА (дочь): «Я росла здоровым, «толстым» ребенком. По рассказам мамы, в яслях няни «водились» со мной по очереди, очень уж я была красивой и спокойной. За это на маму и на меня обижались другие женщины, чьим детям столько внимания не уделяли».

МИХАИЛ (сын): «Она больше любила Ирину. Это у нее была самая любимая дочь. А Вассу не так, Васюшка она ее звала. Меня тоже очень любила». Имена детям давались по святцам. Васса — это по паспорту, по крещению Василиса. Исключение только у Ирины.

ИРИНА (дочь): «Меня крестили на восьмой день. Хотели дать имя Пелагия, но мама и тетка Секля упростили моего дедушку Федора дать имя Ирина, которое не было принято у старообрядцев. Дедушка уступил».

Все дети хорошо учились в школе, не прилагая для этого особых усилий — «как-то само собой».

МИХАИЛ (сын): «Я очень легко учился, до пятого класса отличником был. Время на уроки нисколько не тратил, только бегал. До того нашьляешься, валенки только тук-тук-тук от снега. А штаны стоят, как железные. Чувствую, что сегодня спросят, глазами пробегу параграф. Вызывает учитель, а я «читаю» как по книжке. Такая зрительная память была. Много и обязанностей было. Дрова, вода, пол мыть. Скотину накормлю, потом 7 км до школы бегу. Приду, опять за скотиной жожу».

ИРИНА (дочь): «Уроки мама проверять не могла, образования не хватало, но могла что-то подсказать. Мне на Первое мая как-то дали учить стихотворение «Тропинка». Маме не понравилось. Она говорит: «Ты лучше расскажи вот это, я в ликбезе учила». Что-то про трактора: «Бегать в коммуне по земле...». Вот я на сцене, читаю про трактора, учительница в недоумении. Но успех был большой, потому что в зале было много тех, кто тоже учился в ликбезе».

Все дети окончили десятилетку, хотя в те времена это не считалось обязательным.

МИХАИЛ (сын): «Она меня настраивала в институт. У нее была мысль, чтобы все дети высшее образование полу-

чили. Я поступил, правда, не доучился». Ирина — высококлассный врач, она была первой в деревне, кто получил высшее образование.

ИРИНА (дочь): «Я окончила 7 классов, хотела со всеми в восьмой, но тогда надо было платить 150 рублей в год за учебу, а денег нет. Мама говорит: «Иди в техникум, а там видно будет». Действительно, в 17 лет я окончила фельдшерско-акушерскую школу и поступила в Пермский медицинский институт. Было очень трудно материально. После летней сессии я приехала со слезами, голодная, с пристани шла пешком. Мама говорит: «Ладно, Ирина, хватит тебе фельдшерского образования, иди работай, все равно помочь тебе многим нечем». Отец отругал ее и отправил меня учиться».

Васса (умерла в 2006 г.) — экономист с высшим образованием, работала главным бухгалтером. Михаил, окончив автодорожный техникум, работает водителем автобуса и таксистом. Любит на досуге почитать (от Шекспира до Зошенко), великолепно рисует, режет по дереву.

С детьми и внуками бабушка «не больно чикалась». Дети росли сами по себе, бабушка все время работала. Ласковой не была, не сюсюкала. Совсем маленькие девчушки сами себя занимали и кормили.

ВАССА (дочь): «Вот я тебе расскажу, как Ирина врачом стала. Это в войну было. Мы маленькие. Ирине лет пять-шесть, мне, ну, может, два или три. А мама все ножи убира-ла, прятала, чтобы мы не порезались. Вот мы и стали топором брюкву чистить, есть охота было. Я держу, а Ирина рубит топором. И почти отрубила мне три пальца. Они у меня как на нитках болтаются, почему-то это хорошо помню. Ирины побежала, набрала травы какой-то, пальцы сложила, замотала мне руку туго-туго. И что ты думаешь? Срослись ведь пальцы, вот только шрам остался».

ИРИНА (дочь): «Я пальцы расправила, приложила их, свекольным листом замотала. Видать, Господь Бог помог. И мама ничего не заметила. Только потом, когда уже срослись пальцы, она шрам увидела».

ИРИНА (дочь): «Разговоров о том, что надо работать, учиться, слушаться старших, беречь свою честь, со мной не проводилось. Но атмосфера была такая, что по-другому я жить не могла. Мне кажется, большое значение имело религиозное воспитание. Мама нас с детства учила молиться, посты всегда соблюдали. Но я очень любила масло, и где бы она его ни прятала, я всегда находила. Ну много ли ребенок масла съест без хлеба, без картошки? Вот мама как-то хватилась — масла меньше, чем было. Она меня отругала, отколотила как следует и всем ребятам рассказала: «Орина сожрала масло». Я вышла на улицу, а мне кричат детишки: «Оринка-кринка-масляный горшок, съела у матери масла горшок».

ИРИНА (дочь): «Мама, бывало, раздавала тумачи направо и налево. Однажды мы с подружкой пошли в кино (я тогда училась в фельдшерско-акушерской школе), пришла домой в двенадцатом часу. Она, ни слова не говоря, взяла валенок с клюкой и отвалтузила меня, я и опомниться не успела».

ТАТЬЯНА (сноха): «Баба Шура говорит, что била их. Бывало, била Ирину, Вассу, и Мишку, за дело, тоже лупила. Очень властная была. Если сказала, то надо было бежать и делать. Внучек — их нет, никогда не трогала».

МИХАИЛ (сын): «Зло она не ругалась, нет, но держала в ежовых рукавицах. У меня обязанности были, но если забегаясь, не сделаю, что велено, то будет тебе «аз воздам», отлупит. Ну, не то что ремнем там, а так, больше словами. Все

равно ведь боишься матери, когда она ругается во гневе». Спасались от бабушкиного гнева все одинаково: забивались в дальний угол полатей или печки, куда она залезть не могла. Побегает-побегает, да и остынет».

ИРИНА (дочь): «Помню, как-то летом я, маленькая, у мамы в голбце лен сожгла. Она зимой прясть его собиралась. Я клад там искала, а нашла туфли. Там у нее туфли свадебные лежали — на шпильке, узконосые, черные. Я лучину зажгла, а лен загорелся. Я его, конечно, потушила, потом уж спать легла. Ну и бежит мама бить меня, с лопатой, а я спронея ничего понять не могу. Потом догадалась (она меня поджигательницей назвала), забилась в угол (я на полатях спала), она меня достать не смогла».

ТАМАРА (внучка): «Помнишь, мы все время на озера за лилиями ходили, белыми, желтыми, а потом их в тазу держали? Вот как-то пошли за лилиями, а я проволокой ногу порезала, очень глубокая рана. Пришли домой, я реву, вся в крови, а она взяла полотенце и отлупила меня: «Сама виновата, так тебе и надо».

МИХАИЛ (сын): «Мама меня не лупила, нет. Я не помню этого. Как-то, помню, после армии пришел и в Вилисово ушел, а вернулся в 4 утра. Маманька, смотрю, уже ходит, и ухват в руках: «Я тебе сейчас поддам». Взял у нее ухват, сломал рукоятку и ей в руки отдал. С тех пор маманька больше никогда не грозилась».

Конечно, какое-то время с внуками бабушка проводила.

ТАМАРА (внучка): «Я помню, она Антона (*правнука — С. Ш.*) на ногу садила и приговаривала — не «по кочкам, по кочкам», а типа «катаю, валяю, в печку сажаю, пирог готов». Я таких пестушек нигде не слышала». Любила бабушка рассказывать нам сказки, «про жись» и всякие страшилки. Мне

кажется, она сама получала от этих историй удовольствие. Мы боимся, а она посмеивается».

ТАТЬЯНА (сноха): «Ох, она много рассказывала. Вечерами нас собирает и до ночи рассказывает: о старой жизни, как гадали, как обуви не было и на лесоразработки ходили босиком. Как весело раньше в деревне было, хороводы собирались в праздники. Про Петров день в Уролке, который обязательно дракой заканчивался. Со всех деревень ведь в Уролку-то на Петров день шли».

ТАМАРА (внучка): «Я помню, что бабушка нам какие-то удивительные сказки рассказывала. Я не помню о чем, какие, но знаю, что таких сказок я больше нигде не встречала. Смутно помню сказку про говенника. Мальчик родился из коровьей лепешки. Она еще эту кучу, теплую, зелено-коричневую, так описывала красочно. Что там дальше было, не помню, но я это запомнила, потому что очень уж она от всех сказок отличалась».

Как-то бабушка говорит нам: «По ночам не ходите, бежали заключенные. (Заклученные с верховий Камы бежали часто, особенно весной. — С. Ш.). Снесите в баню хлеба и молока, и на пороге хлеба и молока оставьте, да еще лопотину вот эту бросьте рядом, пусть они переоблокутся». «Зачем? — спрашиваю. — Они же преступники». Бабушка разозлилась: «Ишь какая прокулор нашлась. Они же люди, им эть ись чё-ко надо. А насопятся, так и в дом не полезут».

Когда мы приезжали к бабушке на каникулы, нас не ждали ни плюшки-ватрушки, ни подарки. Она нас даже особо не кормила — «сопите, чо найдете», и мы лазали по огороду в поисках огурцов и морковки, набивали животы горячим хлебом с деревенской пекарни или ходили есть к тете Капе, бабушкиной сестре. Надо сказать, что «ись в людях» она нам запрещала.

Когда дети и внуки приезжали со своими детьми, считалось, что приезжали не «гости», а работники. Всех внуков,

даже совсем маленьких, возили на покос. Своих городских внучек, меня и Тамару, лет в десять-одиннадцать пыталась приучить к деревенской работе. В деревне коз пасли по очереди. Вот подошла наша очередь. Бабушка сунула нам в руки мешок «с паужной» и велела идти пасти коз, «где подальше и посытнее». Дала «наказ»: «Не дай бог кого потеряете, башки-те, капсы-батаны (руки-ноги — С. Ш.) поотрываю». Мы нашли в поле загон, согнали туда коз, пересчитали и успокоились. Было жарко и скучно, время тянулось томительно долго. Достали «паужну»: бутылка молока, заткнутая газетой, отломанный кусок черного хлеба и несколько конфет-«подушечек». И вот пора гнать коз в деревню. Снова проблема: часть коз неслись со всех ног, а часть все время останавливались и щипали чего-то на пыльной дороге. Оказалось, что те и другие были просто голодные: мы согнали их в вытоптаный, без травы, загон. В общем, в тот день молока у деревенских хозяек не было. Бабушка как-то вяло поругала нас: «Пошто животина голодная?» Ей было стыдно «перед людьми» за то, что ее внучки такие неумелые.

Воспитывала бабушка не словами, а делами.

ИРИНА (дочь): «В войну уходила и приходила с работы затемно. А я ребенок, 6–7 лет, должна была убраться, принести воды, дров, пустить корову и прочее. Бывает, пробегаю. Помню, пришла мама с работы, прошлась по полу босиком, а я пол не вымела. Она заставила в темноте идти на реку мочить веник и подмести. А я боюсь водяных, чертей, но пошла. Это было для меня уроком».

МИХАИЛ (сын): «Мне надо было велосипед. Мама говорит: «Иди работай». Вот я за три месяца купил велосипед. Может, деньги-то и были, но она считала, что надо зарабатывать. Все на каникулах, а я то коров пасу, то на скотном дворе работаю. Вот так купил велосипед».

Сама я не помню никакого воспитания со стороны бабушки, кроме трудового: окучить картошку («чтобы рядочки ров-

ненько, а то от людей стыдно»), прополоть огород («чтобы ни одной травинки не было»), вымыть полы («маслом натрите, чтоб блестело»), постирать половики («шибче трите, чтоб беляя были»), сходить по грибы-ягоды, принести хлеб с пекарни, перемыть посуду в горке и буфете, сходить по воду на колодец и на реку. Если за хлебом мы ходили с удовольствием, покупая свежеспеченные, еще горячие, вкуснейшие буханки в неимоверном (штук по 10–12) количестве, то по воду ходить было нелегко — мы просто пригибались к земле под тяжестью коромысел. Однако отказаться даже не приходило в голову.

Бабушка желала и для себя, и для детей лучшей доли. Часто, смеясь, мечтала: «Вот Миша вырастет, станет летчиком, тыр-тыр-тыр — на самолете прилетит и скажет: «Вот тебе, мама, куча денег». И тыр-тыр-тыр — обратно улетит».

МИХАИЛ (сын): «Мама всегда говорила: «Миш, ты вырастешь, будешь летчиком. Будет у тебя денег много. Мир — Москва, золотые маковки. Почему-то так говорила: мир — Москва, золотые маковки».

ИРИНА (дочь): «Мама считала, что нам надо было оставаться дома и выходить замуж за деревенских». Однако никто из детей так и не остался в деревне. Ирина вышла замуж за «форсистого» красавца-ветеринара Сергея Галкина, приехавшего в деревню по распределению из Ярославля (живет в Подмосковье), родила меня и брата Сергея. Васса полюбила кудрявого блондина, красавца и баяниста, Толю Ильиных из Кургана — у нее дочь Тамара, сейчас живет в Москве (сын Андрей умер младенцем). Миша уехал в Пермь и там женился на Тане Рассказовой, у него три дочери — Екатерина, Ирина и Наталья.

Все внуки внешне в бабушкину «породу», кроме Ирины, все гуманитарии. Я и Катя — филологи, Тамара — менеджер в туристическом бизнесе, Ирина — библиотекарь, Наташа — социальный педагог. Катя учится в аспирантуре, я защитила докторскую. Характерно, что в роду почему-то именно муж-

чины не получают высшего образования — возможно, женская линия в нашей породе сильнее, чем мужская.

ХОЗЯЙСТВО

ИРИНА (дочь): «Мама была аккуратной, чистоплотной, можно сказать модной по тем временам. По возможности, конечно. Нам шила одеяла, пеленки, платица из лоскутков, льна (ведь была нищета). В доме был порядок. Два раза в год проводилась генеральная уборка — белили печь, все перемывали — посуду, ухваты, кадки. К Пасхе обязательно мыли избу — стены, потолки, полати, перестирывали одеяла, матрацы. Никаких простыней и пододеяльников не знали — не было возможности купить. Все было домотканое. Я хорошо помню, как мама трепала, чесала, пряла, ткала лен с рисунком в клеточку. Я носила гуню (пальто) и платья изо льна. Помню, было у нас одно ватное (остальные домотканые) одеяло, так его очень берегли».

ВАССА (дочь): «Мебель всю папа делал. Диван с зеркалами, завитушками, валиками. Трюмо было резное, кровати там, буфет, комоды». Я помню эту мебель, мне она нравилась. Она была сделана искусно, я даже не могла предположить, что это дедушкина «самоделка»: она мне казалась просто старинной. В очередной наш приезд на каникулы эта мебель исчезла и появилась «полировка», чем бабушка несказанно гордилась.

Вообще же я помню другую бабушку, совсем не бедную. Дом у нее был в два этажа — в деревне было только три двухэтажных дома. У нее первой в деревне появилась железная лодка с мотором, мотоцикл, телевизор, который, впрочем, все равно показывал из-за слабого сигнала кое-как.

МИХАИЛ (сын): «В деревне наша семья была, можно сказать, элита, интеллигенция. Самое передовое все было у них: первые телевизор купили, лодочный мотор «Кама».

В хлеву — овцы, свиньи, коровы и козы. На сеновале сена под потолок, десятки мереж и бредней. На чердаке залежи домотканых половиков и мешков с пряденной и непряденной овечьей шерстью, в шкафах грудой навалены лоскутные, шелковые, атласные одеяла, новые подушки. В комод — множество отрезков, тканей, кружев, мулине, накидок, подзоров, вышивок. Как мы любили рассматривать и примерять на себя это богатство! Но вот когда мы, маленькие девочки, просили у бабушки какой-нибудь несказанной красоты платок или шаль, бабушка отвечала: «Помру, все ваше будет». Однажды внучка Тамара на это неизменное «помру...» ляпнула: «Скорее бы уж ты умирала что ли». Бабушка только засмеялась.

В буфетах — куча посуды, тарелок, сервизов, из которых никто не ел, но мы обязаны были их перемывать. Между больших тарелок были рассованы денежные купюры, о которых бабушка постоянно забывала. И мы, идя мыть посуду «с песком на речку» (другого способа мытья посуды бабушка не признавала), вылавливали бумажные десятки, четвертаки, выпавшие из тарелок и уплывающие по течению. «Куды-ко суну и забуду», — говорила бабушка, когда мы приносили ей мокрые бумажки.

ТАТЬЯНА (сноха): «Я как-то прибиралась в доме, самовар стала протирать, открываю, а он полный денег. Там даже десяток не было, все крупными. Ей как за молитвы давали, так она их и совала, комками. Она и не помнила, сколько денег было. Скупой всегда знает, сколько у него денег, денежку к денежке складывает, аккуратненько прибирает, а она — нет. Я найду в посуде, ей несую, а она: «Где взяла»?

После смерти каждому из детей бабушка оставила по пять тысяч рублей — огромные деньги по советским меркам. Жаль, они превратились в копейки в перестроечные времена.

В голбце у бабушки всегда крупы, сахар, макароны, мука мешками и флягами; тушенка, сгущенка, повидло, спички, свечи, даже сухое вино и шампанское. В сгущенке мы про-

дельвали дырочки, высасывали это «социалистическое» детское счастье, а потом возвращали банку в ящик. Соленые капуста и мясо, рыба («с душком»), грибы (обычно грузди и белые), моченые брусника, морошка, клюква — кадками, бочками, ведрами. Грудятся в голбце новые цветастые ведра, чайники, тазики, бидоны...

ИРИНА (дочь): «Мама очень боялась голода, она всегда имела в запасе сахар, муку, крупы, мясо, рыбу. У нее пельмени были настряпаны мешками. Всегда говорила: «Пельмени и хорошему человеку подать не стыдно, и плохому не жалко».

Готовила, на мой взгляд, бабушка не очень. Понятия первое-второе блюдо не существовало: на завтрак, в обед и на ужин ели одно и то же — пока не кончится.

ТАТЬЯНА (сноха): «Зять-то её, Сергей-то Алексеевич, смеялся всегда, называл это «усть-урольский воскресный обед»: шаньги с картошкой, пирог рыбный и пельмени».

МИХАИЛ (сын): «Ну нет, готовила она неплохо. Соседка научила маму сало коптить, колбасу делать — никто ведь этого не делал. Мама научила всю деревню, и все коптили сало, колбасу. Маринованные грибы у нас были. Ты где в деревне маринованные грибы видела? Только соленые. В деревне такого отродясь не было. Она знала сиговый засол рыбы, сейчас такого в деревнях вообще нет. Помню, Васса приедет и только хлеб в этот рассол макает. И ест-нахваливает».

То, что готовилось в русской печи (шаньги «картошны», пироги рыбные и капустные), было очень вкусным. Всей семьей лепили «пельмени» с начинкой из «губ», «ретесного» листа, квашеной капусты.

ТАТЬЯНА (сноха): «Вот сидим, пельмени из мяса лепим, она свои, а я свои. Она мяса мало кладет, а я много. Баба Шура всегда говорила: «Я с детства не люблю толстые пель-

мени: пузатые, как мышата». Потом ушки, пельмени из грибов, делали».

МИХАИЛ (сын): «Пироги стряпала, наверное, метр на полметра. Рыбный пирог как поставит на стол, за уши не оттащить».

ТАТЬЯНА (сноха): «То, что я готовила, она не ела. Оладьи с толокном она делала, хорошие были. И пиво с толокном пили: 2 ложки толокна на кружку пива. Баба Шура говорила: и сыт, и пьян, больше и не надо ничего».

Она варила потрясающее пиво (или брагу?) — «квасок». Это был долгий и сложный процесс с выращиванием хмеля, приготовлением суслу (что-то текло-фильтровалось через солому по большому деревянному корыту), выливалось в одну емкость, где отстаивалось, потом в другую и т. д. «Квасок» был темным, тягучим, душистым, на вкус сладким, но в прямом смысле слова сбивал с ног, особенно человека неискушенного.

ТАТЬЯНА (сноха): «Она всегда на праздник пиво варила, еще трав всяких наложит. В голбце стоит, в печи томили, через снопы как-то пропускали».

Про свои запасы бабушка с удовольствием говорила: «Вот вы закройте меня в доме, я колодец вырою и три года проживу, все у меня в доме есь». У нее действительно все было, даже патефон и баян. Конечно, это «все» давалось невероятными усилиями. Вставала бабушка в 4–5 утра и работала, работала, работала. Где-то около 8–9 вечера с молитвой укладывалась отдыхать, чтобы с утра снова работать.

РАБОТА

ИРИНА (дочь): «Мама у родителей и родственников росла в неге, любви и ласке (у Фоки было еще пять братьев, и у всех дома стояли рядом). Но, несмотря на это, ее рано

научили прясть, вязать, работать по хозяйству. В 9 лет она уже умела запрягать лошадь и управлять ей. В школу не ходила, надо было работать по хозяйству, нянчить сестер. Я помню, мама рассказывала, как каждый день подружки узнавали друг у друга, кто сколько напярл, кто сколько начесал льна, сколько связали рукавиц. Не до ученья было. Вероятно, имела значение и религия — старообрядцы неохотно отдавали детей в школу. Но ликбез пришлось закончить, читать-писать умела».

МИХАИЛ (сын): «Маманька говорила, что она недели три в школу ходила, только чтобы научиться писать буквы да расписываться».

ФОКЕЕВНА: «Мне было 13 лет. Я на кобыле работала, из Соликамска в Красновишерск, в Бондюг груз государственный возила. Дома нет по две недели. На свалке картовь ись брали. Как-то в Вишеру пошли, там возы сдали и еле уехали домой. До Еранино дошли, там женщина говорит: «Всех у вас выслали, никого нет». Пришли домой — мама в окно глядит. Зашли, они с тёткой из куглины (отходы от семян льна) лепят лепешки и картовь сверху».

С 1935 по 1949 г. бабушка работала в колхозе: «куда пошлют». Сеяла, вязала, жала, кантарилла мешки, косила, гребла, пасла скот, двадцать лет работала телятницей. Тяжелая работа продолжалась и дома. Бабушка всегда держала скот (овц, коров, коз, свиней), куриц, гусей. Летом работала в огороде (выращивала картошку, репу, редьку, морковь, лук, огурцы), косила, ходила по грибы-ягоды, знатно ловила рыбу. Сушила грибы, солила рыбу, капусту, мясо. Зимой ткала половики, пряла шерсть, вязала шерстяные носки и «испотки» (варежки), из тончайшей шелковой нити плела мережи, сети, бредники, в том числе и на продажу. Сама «сажала» сети, прилаживая поплавки из бересты и основы. Даже когда после смерти дедушки бабушка приезжала на зиму к детям, она целыми днями вязала эти сети по

20–60 метров. Мне казалось, что связать так много просто невозможно, а она, водрузив на нос очки, спокойно плела и плела эти бесконечные «редухи» и «частухи» (по размеру ячейки в сети).

Бабушка всегда умела зарабатывать. Продавала скот, картошку, молоко. «Отчитывала за деньги» по церковным книгам (чаще за помин души). Платили ей и за постой – у нее всегда жили «командированные», учителя, сельские специалисты. Заработком было и то, что с соседками она ходила на свадьбы «опевать» (после свадьбы нередко они устраивали свое застолье, где также плясали и пели).

Поход в лес – тоже работа. Отчитывала городского зятя. «Гли-ко чё, с одним ведерком по губы пошел. Ето кто так в лес ходит? Каких-ко поганок нанес. Пошто в лес ходил? Ишь идет-прогуливается». Бабушка признавала только белые грибы да еще грузди – для соления. Остальные (сыроежки, опята, «фукалки» дождевые) называла поганками.

ТАТЬЯНА (сноха): «Они только и жили лесом. Грибов-ягод всегда прорва. Всегда засолка, всегда черника, варенье. У нее всегда было полно черники. Грибов сушеных – мешками за печкой лежали».

«По губы» вставали часа в четыре и быстро-быстро шли, «чтоб чужие не вытаскали». Белые, крепкие, ровненькие, собирали их мешками, набивали доверху все «набирухи», да еще полные «запазухи». Потом тоненько резали их и раскладывали сушиться по всему дому и двору, иногда нанизывали на веревочки. Бабушка точно знала, когда надо идти «по губы». И была довольна, если после наших набегов «чужие» приходили ни с чем (опять первая).

ТАМАРА (внучка): «Бабушка нас на болото за морошкой водила. Поднимет с утра пораньше, надает всяких мешков, ведер, корзин, чтобы у каждого в двух руках и за

спиной мешок был. Идем, далеко... А там, на болоте, аж все оранжевое от морошки, ягод немерено. А комары кусаются. Ревем да собираем. Пока все поклажи не наберем, не уходили».

«Бесполезной» работы (вышивание, вязание крючком, разведение цветов дома или в палисаднике) не признавала, хотя в доме было много старых вышивок, подзоров и накидушек: по молодости вязала крючком и вышивала. Но потом перестала – «магазинно» нравилось больше, да и могла себе позволить купить. Зять Сергей вспоминает, что когда пришел свататься к ее дочери Ирине, то оборвал все герани и подарил ей этот букет. Говорит, не ругалась. Значит, по молодости и цветы в доме «дярживала».

Красота ее быта заключалась в чистоте дома и в рябине в палисаднике, под которой она любила сидеть. И еще в платках и платьях, ярких, цветастых, пестрых, которые носила только по праздникам.

ДОСУГ

Времени свободного у бабушки не было, но в праздники она никогда не работала («грех»).

ИРИНА (дочь): «Мама хорошо пела, плясала, умело шутила в компании. Она и ее сестры, Капитолина и Анисья, очень хорошо пели, получали призы на смотрах художественной самодеятельности. Она везде была душой компании, любого общества».

МИХАИЛ (сын): «Были у нас репрессированные. Гемпель у них фамилия. Соседку Клава Гемпелиха звали. Вот она с ними сошлась. У них какая-то обоюдная симпатия была. Можно сказать, они дружили. Эта семья была очень образованная. Я к ним ходил книги брать, в деревне таких

книг не было. Я когда «Капитана Немо» прочитал, у-у-у, ты что...»¹.

В праздники бабушка любила наряжаться. Два шкафа до отказа были забиты одеждой. Платьев, платков и шалей шелковых не сосчитать. Все яркое, цветастое, с крупными красными, синими, желтыми цветами. В престольные праздники бабушка выглядела очень красиво. Даже мы, иронично относившиеся к деревенской моде, не могли не отметить, как хороша была она в своих несказанно пестрых и «аляповатых» платках, шалях и полущалках.

ИРИНА (дочь): «У мамы было много нарядов, особенно она любила платки, и мы ей всегда их привозили. А вот бус, сережек, колец никогда не носила — не положено было стареверам».

ТАТЬЯНА (сноха): «Баба Шура форсистая была. Один раз платок наденет, а второй раз уже не будет. Говорит: «Чё это я второй раз накидывать платок буду. Я должна быть самая баская на деревне».

По праздникам бабушка уходила «по гостям», а если дома, то любила посидеть под рябиной, разговаривая со всеми, кто проходит мимо. Скоро у палисадника собиралась целая компания, бывало шумно и весело. Из дому выносили «квасок», появлялась гармонь, запевали песни, плясали. Надо сказать, что от «кваска» и от водочки бабушка не отказывалась.

МИХАИЛ (сын): «Водку-то она особо не пила, а пиво пила. Я мать ни разу пьяной не видал, а вот веселая она всегда была. Часами песни пели, у меня уж руки от гармошки немеют, а они с бабами все поют и поют».

¹ Я помню эту семью. Бабушка рассказывала, что якобы этот Гемпель был немецкий солдат, а Клава — медсестра русская, которая его вытащила с поля боя и выходила. То ли они полюбили потом друг друга, то ли он в благодарность за спасенную жизнь на Клаве женился. Бабушка нас часто к ним за чем-нибудь посылала. Их дом очень отличался от других: чисто во дворе, заборчик ровненький, цветы в палисаднике. Деревенские считали, что они колдуны.

МИХАИЛ (сын): «Щедрая была очень. Это чисто деревенская черта характера, всех накормить-напоить. У нас всегда гости, всегда был стол накрыт. У нас был как проходной двор, вся округа знала ее. Чадушки, песни пели, плясали — дым коромыслом».

МИХАИЛ (сын): «Она такая выдумщица была. Ирина привезла матери, видимо по ее просьбе, парик цыганский. Черный-черный, с косами длинными. Ну вот, мама нацепила всякие мониста, всякую ерунду. Накрасилась так сильно и пошла по деревне: «Я цыганка, я молдаванка, давай погадаю, я вам все расскажу, всю судьбу вашу опишу». А я за нею волокусь сзади, интересно же. Встречает какую-нибудь бабу и начинает ей гадать: «Вот у тебя так-то зовут мужа, вот ты вчера то-то делала». Бабы деревенские от удивления (информация уж очень точная) рты пораскрывали. Вот так всю деревню обманула. И никто в деревне ее не узнал. Она была артистка, очень талантливая. На все руки. Это же надо еще и характер какой-то иметь. Ну, не лежать дома, а интерес какой-то, веселость иметь».

Бабушка врачевала, успокаивала кликуш, умела гадать.

МИХАИЛ (сын): «Лечила маманька, вправляла грыжи, живот «правила», умела заговаривать. У меня эти заговоры были, а вот последние слова (ключ), чтобы заговор подействовал, она мне не дала. Помню, я шел с Кургана из школы. Чувствую, жар меня одолевает, и красное пятно во всю щеку. Она взяла суковатое полено, че-то говорила-говорила. Потом красную тряпку мне привязала, а я утром встал — ничего нет, все прошло за одну ночь. Красная рожа, говорят, была».

ТАТЬЯНА (сноха): «Баба Шура рассказывала, что рожу она лечила, надсаду, пуп вправляла. Знаю, что люди к ней ходили. Сама видела, много приходило, она всем помощь

оказывала. Травница не была, а все больше заговорами лечила».

ТАМАРА (внучка): «Я помню, как-то у бабушки в гостях тетка одна сидела, потом вдруг как залает, петухом закричит. Какими-то все звериными криками — мяукает, кукует. Я так испугалась, а бабушка чего-то пошептала над ней, как-то погладила, и та успокоилась. К ней вообще ходили лечиться. Чирьи заговаривала, еще что-то, травы знала».

ТАТЬЯНА (сноха): «Как-то раз были на покосе, и я подвернула ногу. Она вечером посмотрела, порастирала, у меня знаешь, как говорят, жилка за жилку зашла. Что-то сделала, и все на место встало. У меня дети тяжелые были, вот у меня все живот болел. В больнице ничего не находят. Я говорю бабе Шуре, мол, у меня живот все болит. Она: «Давай я тебя полечу». Что-то около пупа потрогала. Говорит: «Ой, какие у тебя кишочки-то тоненькие». Что-то порастирала, пошептала. И научила меня, если надсада, то по часовой стрелке сдвигай-сдвигай около пупа. И знаешь, помогало».

В деревенский клуб «на кина» бабушка не ходила. Светские книги читала редко, в основном религиозные.

МИХАИЛ (сын): «Старославянские-то книги она хорошо читала, все понимала. И я тоже понимаю. Она меня старославянскому научила».

ИРИНА (дочь): «Любила читать книгу «Хмель», по моему Черкасова. Они с папой очень возмущались, что он так несправедливо описывал жизнь раскольников».

Я помню, как бабушка заставляла меня читать эту книгу вслух. Выглядела книга как-то непривлекательно: на черной обложке «кровавым» шрифтом слово «хмель». Мне очень скоро надоело читать эту «религиозную муру», бабушка просила «еще немного почитать», но особо не настаивала. Я

убегала гулять, а она продолжала читать сама, с трудом разбирая «светские» буквы.

Надо сказать, что бабушка была довольно любознательна. Она с удовольствием отправлялась в путешествия, которые устраивала ей старшая дочь.

ИРИНА (дочь): «Я возила ее в Москву, водила в Третьяковку, Исторический музей, Мавзолей, на ВДНХ. Ездили в Ленинград, по Золотому кольцу — ей все было интересно, она даже просила записывать, где была. Любила вспоминать, как на Красной площади с ней произошел курьез. Стоит огромная очередь в Мавзолей. А там везде голуби летают. И вот не кому-нибудь, а маме на голову летят голубиные испражнения. Мама к этому с юмором отнеслась. Комментировала: «Вот ведь деревенскую старуху и на Красной площади узнали и отметили. Ну откуда птицы-те знают, что я деревенская?» Колоритен также ее рассказ о поездке на метро: «Поехали с Ориной на метро. Лйшанка сама бежит вниз, я ступила, перепугалась — черти ли че ли меня в ад волокут. Гляжу, встречу негр едет — как копченой, только зубы светят. Боле, говрю, ты, дочь, меня под землю не спускай».

ХАРАКТЕР

Бабушка была человеком сложным, противоречивым, порой парадоксальным. Она могла шалить с внучками, до ночи рассказывать им сказки. «Копила добро» для детей, но когда они приезжали, могла встретить их фразой «Опять токо жорать приехали, никакого от вас толку».

ТАТЬЯНА (сноха): «В гости она нас всегда ждала, но иногда говорила — мне не гости нужны, а работники». Была у бабушки такая особенность, что-то вроде Кабанихи у Островского: «нищих оделяет, а домашних заела совсем».

Она была безмерно добра и щедра для посторонних, но прижимиста и строга по отношению к близким.

ИРИНА (дочь): «Мама привечала всех — нищих, старых, молодых, знакомых, дачников, командировочных. Всех покормит, попоит, а ко мне была строга. Была у нее и такая особенность. Была не жадная, а, как она сама говорила, «никономная», может, иногда излишне экономная. Думаю оттого, что наголодалась она за свою жизнь с избытком».

Внучек тоже редко хвалила. Помню, отправила нас в очередной раз посуду на реку мыть, у каждой внучки по два ведра. Да под мышку сунула графин из-под растительного масла, замшелый весь изнутри. Мы этот графин до блеска отдраили, заодно искупались. Реку перебрали и еще грибов набрали, каждая по ведру. Идем домой, похвалы ждем. Попало нам дважды: за то, что в графине песчинка оказалась («пошто так-ту моете, ето што за работа такая»), и за то, что грибов всего по ведру, а не по два принесли.

ФОКЕЕВНА: «Надо было посуду на берегу оставить, а потом уж сбегать по иё, а губы в платё завернуть и все ведра заполнить. А топеря люди-те видяли и ужо все повытаскают. Каки-ко вы непутные девки совсем».

ИРИНА (дочь): «В семье никогда не ласкались, не выражали вслух своих чувств, не обнимались. Не принято было. Была сдержанность в отношениях между детьми и родителями».

МИХАИЛ (сын): «Мама никогда не проявляла свою любовь к нам. Ну конечно, она нас любила как-то по-своему, но это никак не показывала».

ТАТЬЯНА (сноха): «Она и Вассу ругала, и Капу она все время ругала¹. Девки замуж выходили, так даже на свадьбу не пошла. Анисью (сестру — С. Ш.) не шибко ругала, но все равно».

МИХАИЛ (сын): «С Анисьей они жили очень хорошо. С Капой тоже вместе корову держали: день корову Капа доит, день — мать. Потом Капа стала попивать, вот это она уже не одобряла».

Несмотря на то что нрав у бабушки был крутой, она отличалась какой-то особой тактичностью: не читала моралей, не «занудствовала», не лезла в душу. Разговоров «за жизнь» с нами не вела, но очень любила рассказывать на камеру и на «матафон», в крайнем случае «под карандаш».

МИХАИЛ (сын): «Еще она животных любила. Всегда у нее кошки-собаки были. Дня не было, чтобы без них жить. У нее была любимая собака Роза, она с ней даже фотографировалась».

ТАТЬЯНА (сноха): «Была веселая, много знала, старики деревенские к ней льнули. Не ныла никогда, гостей любила. Всех принимала. Была оптимисткой: часто смеялась, шутила, всегда верила в лучшее. Не помню, чтобы она отчаивалась; говорила: «На все воля Господа».

ВЕРА

Приобщение к вере в семьях староверов было естественным и непринужденным процессом. Бабушку учили молитвам и молению и в семье отца, и в семье свекра. Свекор приобщил ее к книгам, думаю, что именно он научил ее читать церковные тексты. Церковные книги она читала

¹ Бабушка всегда очень критично относилась к своей сестре Капитолине, которая выпивала и, по словам бабушки, была замужем «не за тем мужиком». Как-то Капа, деревенский почтальон, «испортила» почту, развалив ее по раскисшей от грязи дороге. Бабушка прекратила с ней всякое общение.

быстрее и охотнее, чем светские. Детей своих бабушка тоже воспитывала в вере.

ИРИНА (дочь): «Молиться научила меня рано, в дошкольном возрасте. Уходя на работу, она давала «урок» помолиться столько-то лестовок Иисусу Христу, Богородице, святителю Николе. Говорила: «Если не будете молиться, отец не придет с фронта». Я старательно молилась, и сестра со мной, хоть и мала была. Иногда молились вместе — дядя Илья (двоюродный брат), подружки. Если Пасха совпадала с Первомаем, она не разрешала выступать и ходить на концерт. Мы ходили молиться».

Лучше всех из детей «уроки веры» усвоила Ирина, Миша и Васса остались к ним почти равнодушными, хотя и носят крест и даже верят.

БАССА (дочь): «Ирина меня ругает, что губы крашу, завиваюсь. Вот молиться меня заставила. «Давай, говорит, Васса, молиться». А мне что делать? «Давай», — говорю. Ну уж я потом не стерпела. «Все, — говорю, — Ирина, не могу больше!»

ТАТЬЯНА (сноха): «Миша по-старославянски умеет читать. Маленький-то верил, а сейчас не особо».

МИХАИЛ (сын): «Что ты, она знаешь как меня воспитывала! Я все молитвы знал. Заставляла молиться. Помню, у нас не было света. Мы у печки с ней заляжем, лампу керосиновую поставим, и она мне читала церковные книги. Может, мне бы и не надо было, но она все равно читает».

ТАМАРА (внучка): «Нас бабушка заставляла молиться. Пока не прочитаем молитвы, которые велит, так она нас гулять не отпускала».

А мне кажется, что внуков бабушка вере особо не учила. Я помню только одну молитву. Я как-то сказала, что грозы

боюсь, а бабушка говорит: «Нечего бояться, молитву скажи, и тебе не страшно будет. А молитва такая: «Господи Иисусе Христе сыне боже, помилуй мя грешную».

Но к вере все внуки относятся уважительно, для себя считают важным, что они староверы. Я как-то решила бабушку порадовать и говорю: «Я в Чердыни в церковь ходила». А бабушка мне: «Запомни, никогда не ходи в не наши церкви. Дома молись». Видимо, это мне как-то запало в память или душу, но когда настал черед крестить мою дочь Полину, то возникли проблемы: как крестить. Муж мой — в новой вере, а я из староверов, и никто не хотел уступать. Нашли компромисс: пригласили священника из нововеров, но крестили не в церкви, а дома. Обряд был очень торжественным, трогательным, мы плакали.

ИРИНА (дочь): «В нашей вере попов нет. Мама наставницей была. До мамы во всех близлежащих старообрядческих деревнях требы исполняли мужчины. Благословил маму Федор Николаевич Зарубин, муж тетки Палаша. До мамы требы исполняли Сандраковы Прокопий и Илья, братья. Потом маме передали. Мама умела читать по-славянски, вела службы (крещение, венчание, панихиды, отпевание), принимала покаяния, занималась этим до конца своей жизни. После мамы тоже почему-то все женщины были, Матрена, Саломия Абрамовна. Не знаю, почему не мужчины. Может, были не такими понятливыми или слабее вера у них была?»

ИРИНА (дочь): «Когда после мединститута, в 1960 г., я поехала на работу, мама меня благословила иконой Николая-угодника: «Ничего тебе дать не могу, кроме нее». Иконка маленькая, сантиметров 10 на 6, я с ней ходила рожать обоим детям, и на дежурство в больницу брала, т. к. не хотела, чтобы в мое дежурство умирали больные. Еще она с меня взяла слово не стирать и не мыть полы в воскресенье и праздники, не ходить к бабкам-знахаркам. Но

вот ее песни, видимо, открылись ей в последние годы. Я никогда не знала об этой стороне ее жизни. Не помню и того, чтобы она пела нам духовные стихи и религиозные песни».

У бабушки были старые, «дониконианские» книги и иконы, которыми были заставлены все красные углы в доме.

ИРИНА (дочь): «От деда Федора остались книги церковные. Одна из них была рукописная и в ней остались чистые листы. Помню, я их в войну вырывала (бумаги не было) и писала на них».

ИСХОД

ТАТЬЯНА (сноха): «Болела бабушка долго. Умерла она 1 апреля, а до этого, 29 марта, мы у нее были. Говорит нам: «Подымите меня наверх, я благословлю». Мы подняли на второй этаж. Она: «Вот, Таня, ковры девкам, Орине да Вассе. Три одеяла. Наташа, выбирай, а два Орине да Вассе». Наташка выбрала лоскутное, красивое такое, я всегда такое хотела. 30-го мы уехали, а 1-го телеграмма пришла о смерти».

ТАТЬЯНА (сноха): «Я поразились. Когда она умерла, не было никакой дележки имущества, скандалов. Знаешь, как бывает, братья-сестры родительское имущество делят. Там, правда, все уже до нас много вынесли. Самону все оставили, только самое ценное взяли. Ирина Ивановна говорит: «Кому что надо»? Вот только Библии поделили да иконы. Мне сервиз дали столовый».

МИХАИЛ (сын): «Мать я любил. Она была цельная натура, знала свое дело, свое место. Таких женщин сейчас поискать. Всякое было, но я мать не сужу. Прожила она жизнь достойную».

ИРИНА (дочь): «Все было с мамой. Слякоть и пороша, тепло и солнце, радости и печали, понимание и глухая стена, обиды и горечи, признательность и благодарность».

В истории семьи Сторожевых — история всей страны. Есть в этой истории и каторга, и размеренно-чинный уклад патриархальной Руси, Гражданская война, раскулачивание, коллективизация, индустриализация, сталинские репрессии, Отечественная война и относительное благополучие брежневского застоя. И все это — в одной семье, жившей в забытой богом уральской деревушке.

Никто из детей не вернулся в отчий дом, который и сейчас стоит, брошенный всеми. Умирает староверская деревня, «рассыпается» род по свету, исчезает кержацкая порода... Россия — на очередном историческом сломе.

ПИСЬМА А. Ф. СТОРОЖЕВОЙ: «И КАК УЕХАЛ — НЕ ПИСЫВАЛ...»

Ниже приводятся несколько писем бабушки, которые только и сохранились в бесчисленных переездах ее детей с места на место. Все были легки на подъем, меняли города и квартиры. Писали в семье друг другу нечасто, на что бабушка сетовала во всех своих письмах. Письма, к сожалению, лишены датировки, в основном это конец 80-х — начало 90-х годов XX века.

Она писала так, как говорила. Ее правописание, воспользуемся словами М. Ломоносова, «не отходило далече от российских диалектов», «не удалялось много от чистого выговору». Стеснялась этого: во всех письмах оговорки типа «пишу плохо, разберите», всегда отмечается плохое написание, приводятся «оправдания» этому («Пишу очень плохо: не вижу, да и голова плохо соображат»; «Писала плохо, разберите»; «Не могу писать, не соображаю»; «Пишу плохо. Разбери»).

Почерк крупный, размашистый, к концу писем строчки съезжают со строки, буквы становятся крупнее, появляется больше недописанных и искаженных слов. Вероятно, она уставала от непривычного и трудного для нее дела. От этого же часто не дописываются слова (*неписыва* — не писывала, *вмасленк* — в масленку, *в живете* — вы живете). Пропускаются буквы внутри слова (*очнь* — очень, *дк* — дак, *прздвя*, *прздравлю* — поздравляю, *англом* — ангелом, *досвидне*, *давидане* — до свидания, *редикулт* — радикулит, *нарбалке* — на рыбалке, *бласловит* — благословит, *нехчет* — не хочет, *помера* — померла, *пережваю* — переживаю).

Принцип написания — фонетический (*тилиграму*, *бох*, *нишево*, *о сибе*, *ишо*, *втепличе*, *слабось*, *симена*, *троичу*, *вымё*, *слоф*, *мескоф*, *доложна*, *отелица*, *холот*, *дохот*, *поески*, *говри* — говори, *знашь*). Поэтому письма отчетливо фиксируют особенности пермского говора. В них проявляются типичные черты в области произношения согласных: вставка [д] внутрь сочетания [нр] — *ндравица* (нравится); произнесение твердого [л] вместо мягкого [л'] — *большые* (большие); произнесение [ш] вместо [щ] — *нишево* (нищего), *ишо* (ещё), *вкрешене* (в Крещенье); неразличение [ц] и [ч] — *богородичу* (Богородицу), *троичу* (Троицу), *втепличе* (в теплице); упрощение конечных групп согласных — *слабось* (слабость); произнесение [в] вместо [м] перед [н] — *невного* (немного), *вного* (много). В области гласных это произнесение [и] на месте ударного Е из старого Ё между мягкими согласными — *лин* (лень); ёканье, т.е. безударное [о] после мягких согласных, шипящих и Ц, чаще заударное — *можот* (может); сохранение полногласия — *доложна* (должна); стяжение с выпадением интервокального [j] — *знашь* (знаешь), *соображат* (соображает) и другие.

Знаков препинания, кроме редкой точки, бабушка не ставила. Заглавных букв в начале предложения и в собственных именах не соблюдала (*орина*, *сережка*, *христос*, *геня*, *васса*, *богородичу*, *втроичу*, *исперми*). Зато всегда писала с заглавной слова на букву А (*Ангел*, *Анатолеи*, *А он сказал*).

В письмах часто встречается слитное письмо. Слитно пишутся предлоги, союзы и частицы (за редким исключением) (*отвас*, *унас*, *авасса*, *икак*, *згеней*, *влюдых*, *даи*, *накургане*, *впаску*, *вогород*). Нередко соединяются вместе несколько слов, как служебных, так и знаменательных (*дождалисяинет* — дождались или нет, *тыработаети* — ты работаешь, *яненужна* — я не нужна, *ипочетыреста* — и по четыреста, *начужойстороне* — на чужой стороне). И, наоборот, слова могут разделяться на части (*и дёт* — идёт, *попира вали* — попирали).

Не всегда обозначается мягкость (*писмо*, *кашел*, *дождалис*, *пяная*, *писат*, *тепер*, *ес*, *пянка*, *лин* — лень, *как небуд*, *очен*, *здорове*, *свадба*, *толко*, *менше*), реже ставится Ъ там, где его не должно быть (*испольнитса*, *неть*). Часто не различаются на письме глухие-звонкие согласные (*гриб* — грипп, *теленог* — теленок, *не моку*, *тагжо* — также). Дефисное написание отсутствует — *постараму*, *что небудь*, *как небуд*. Употребляется знак переноса, но часто слова переносятся по принципу «как листок кончится», может переноситься одна буква (*прите-бе*, *не-знаю*, *по-ески* — поездки, *пробудилас*, *тилигр-аму*, *жд-ала*, *ум-ня* — у меня, *имиш-а* — и Миша).

Путаются буквы, обозначающие звуки, сходные по месту или способу образования (*машылу* — машину, *мескоф* — мешков), схожие по графическому облику (*вздила* — ездил, *вгор* — Егор, *достанеи* — достанешь, *здоговья* — здоровья, *отеет* — ответ, *тохо* — тожо) или просто путаются (*манон* — Самон, *в сеном* — с сеном, *сретка* — Светка, *катой* — какой, *заренги* — за деньги). Дублируются (*уубивают*, *далекоо*, *неддново* — ни одного) или меняются местами (*накургане*, *сет* — есть) буквы. Никогда не употребляется Ъ (*свасаи*, *сергеи*, *непослушнои*, *смолитвои*, *зателкои*, *скоровои*, *хозяйство*), но часто (почти всегда) пишется «ё» (*всё*, *серёжа*, *семёю* — семьею, *вымё*, *поросёнка*).

В письмах фиксируется вариантное (неустойчивое) написание многих слов: *что небудь* — как *небуд* — как *небудт* (*нибудь*), *ешо* — *ишо* (еще), *живем* — *жысь* — *живем* — *живете*, *напишыте* — *решыла* — *держым*, *Орина* — *Ерина* (Ирина),

Васса — Васа, ангелом — ангилом, деньги — денги. Особые проблемы со словами этикетными, часто длинными: проздравлю — проздвля (поздравляю), здравстуйте — здравстуйте — здравствуити — здравствуит (здравствуйте), досвидне — давидане — досвисан (до свиданья).

Лексическая структура писем, образный строй письменной речи гораздо беднее того, как говорила бабушка «живую». Однако и здесь отражается специфика ее устной речи. Особенно плохо ей удавались иностранные слова (*шпунт — шампунь, матафон — магнитофон, прокурор — прокурор*). В письмах — *редикулит — (радикулит), канбекорм — (комбикорм)*. Частотна в письмах религиозная лексика (*ангел, спаси Христос, слава Богу, дай Бог, Исус, молитва, Богородица, Крещение*). Изредка встречается поговорочная мудрость (*На одном месте камень обрастает. Спаси да спасай свою душу*).

Структура и содержание писем всегда одинаковы. Все письма содержат сетования по поводу здоровья (*Оба бодем. А у меня хандра, давленне, теперь редикулит, кашель после гриба; я болею, зимой задыхалась на улице, а теперь слабось. Несколь не могу ходить; дак я неначею доехать, здоровье неважное; Но только здоровья у меня нет, все болею, да ишо зубы болят*). Всегда подчеркивается невозможность работать (*Некак ничего не могу работать; В магазин не могу за хлебом. С бадагом хожу, да и я старая, видимо, от старости; Я совсем сдала, не могу*).

В каждом письме упреки родным из-за отсутствия писем (*Васса, как уехала, не писывала; И как уехал — не писывал; Миша не пишот, Васса тожо не пишот. Меня позабыли, что ее мать; А он не хочет письмо написать, да и внучки умеют писать; Никто не пишот мне, все меня позабыли; Как живет Света? Мне никогда не пишот*).

Однако бабушка никогда ничего не просит у детей, наоборот, почти во всех письмах — обещания одарить тех, кто приедет в гости (*Я бы вам всё наказала, кому что благословить, у меня всё нажито с трудом; Орина, к нам дорога доро-*

гая. Но ладно, напередную путь как-нибудь, обратно мы дадим; Я бы вам послала деньги в письме на конверты, но боюсь достанут. У нас деньги есть, но вы все далеко от нас; На мясо, ишо что-нибудь дадим).

Она никогда не жалуется (кроме здоровья) и всегда с оптимизмом заключает: *Теперь, слава Богу, лучше; Слава богу, живем; Живем по-старому, корову держим и свинку; Живем по-старому. Мяса накололи, корова ишо 3 литра дает; Деньги у нас есть*.

Всегда много внимания уделяется сделанным съестным запасам (*Рыбу одно ведро насолили да старое ведро мяса у нас есть, капуста, ягоды есть; Мясо есть. Молоко, масло, сахар, мука, крупа — всё есть, только картошка была плохая; Купили 5 мешков сахара, 2 сечки, 5 мешков муки. Мясо есть, масло тожо*) и состоянию скотины (*Корову дождались, есть теленок; Очень корова болела и теленок. Теперь, слава Богу, лучше*).

Обязательно сообщается о гостях (*Миша был с Геней в Масленку, только попиروвали; Миша был семьею, гостили мало*). Раздел, который в письмах обычно обозначается как «новости», включает сведения о различных криминальных (*Крадут, убивают на Кургане. Ваню нищего избили за деньги*) или смертельных (*На Кургане сгорело три дома в Паску и сгорела женщина; Мишка Федюнины утонул на рыбалке, так и не нашли; Микола Васиных умер. Настя Олешиха Кнезиных умерла. У Наташи Фетисковой Миша умер*) случаях в ближайших поселениях.

Часто в письмах делаются наставления (*Сережка, слушай родителей; Не переживай. Думай о себе*), в том числе и религиозного характера (*Орина, не ходи в не наши церкви, молись дома. Спаси да спасай свою душу. Исусову молитву знашь, вот и все; Васса, за телкой следи, выпускай с молитвой, проси Богородичу*). По случаю — поздравления с днем рождения и днем ангела (*Ерина, проздравляю тебя с днем рождения и с днем Ангела; Васса, проздравляю с днем Ангелом*).

Есть в письмах и осуждение чужих пороков (*Капа совсем спилася, ко мне не ходит, и я нет; Везде пьянка, работать всем*

линь), однако критику в свой адрес и в адрес близких не принимает (*Ты, Васса, не переживай о Толе, о такой гадине; Меня Устя Давыдовых в Покров выкорила, ей все ишо зло за Ваню, но я не уступила*). Многие строки выдают типично староверскую закрытость от «чужих», некоторую обособленность от мира (*и о нем не болтай ни с кем. Ты знаешь, что одна на чужой стороне. Говри с Ориной*).

Вот, собственно, и все содержание писем, в которых мир сузился до территории района (соседний поселок Курган, Чердынь), потребности и интересы — до запасов на зиму, здоровья скотины и чужой беды.

Однако среди бытовых мелочей, обыденности, повествования о кадушках и телятах — как «выдох» души, того, что глубоко внутри — внутренняя боль: *Жить скучно; Я не нужна старуха никому; Прости меня; Спаси да спасай свою душу*. Эта боль, беспокойство о детях, неосознанные томления души прорываются в ее снах: *Васса, ты мне во сне виделась, небаско вроде. Маленькая сидишь в кадце в ягодах в красных наглухо закрыта. Я так и тебя не достала. Ишо сон видяла: шаль б пуховую потеряла новую, даже пробудилась так дрожу. Вот переживаю: что-нибудь случится. И Миша видялся во сне, весь в крову, дерётся*.

Особое внимание в ее письмах уделяется тем близким, у которых что-то «не сложилось», «благополучных» она упоминает значительно реже.

В письмах схема ее жизни до предела проста «хозяйство — здоровье — работа». Этот образ не укладывается в расхожее представление о «носителе духовной традиции», но духовное начало для нее — в каждом обыденном предмете и действии: *Мы получили от вас тилиграму и письмо, спаси Христос, что вы пишете; Очень корова болела и теленок. Теперь, слава Богу, лучше. Не знаю, как бог сохранит супороса и два поросенка; Спаси Христос тебя, хоть ты пишошь*.

Возможно, что именно недостаток духовных и душевных связей с детьми обусловил столь настойчиво-частые жалобы на отсутствие писем и благодарение Богу за то, что они приходят.

Для облегчения восприятия письма публикуются в основном в нормативной орфографии и пунктуации. Знаки препинания расставлялись в соответствии с логикой письма. Сохранены написания тех слов, которые отражают особенности ее произношения, как диалектные, так и индивидуальные.

* * *

Здравствуй Сергей, Ирина, Сережка, молодушка.

Мы получили от вас тилиграму и письмо, спаси Христос, что вы пишете. Васса, как уехала, не писывала. Миша был с Геней в Масленку, только попиروвали. И как уехал — не писывал. Ерина, пишу очень плохо: не вижу, да и голова плохо соображат. Оба болеем. Самон холодным вином опился. В Масленку все говинне болел, да и в чечас плохо чувствует. А у мян хандра, давленне, теперь редикулит, кашель после гриба. Корову дождались, есть теленок. Некак ничего не могу работать. Не то дак друго болит. Нам корову не дярживать, незамогли. Капа совсем спилася, ко мне не ходит, и я нет. Люди корову дождались, она в людях спала пьяная. Но ладно писать о ней. На Кургане сгорело три дома в Паску и сгорела женщина. Ерина, проздравляю тебя с днем рождения и с днем Ангела. Дай тебе Бох здоровья. Орина, не ходи в не наши церкви, молись дома. Спаси да спасай свою душу. Исусову молитву знашь, вот и все.

До свиданья, пишите. Мама, бабушка. Не могу писать, не соображаю.

* * *

Здравствуй Ерина, и Сергей, и Серёжа.

Я получила письмо, узнала про вас, как вы живете. А ты, Сережка, я не ожидала, что будешь такой непослушной. Как вы с продуктами? Как с хлебом? Почему, Орина, не пишошь?

А у нас тожо хлеб стал дорогой, но мы запаслись мукой и крупой, но и хлеб покупаю. У нас скот. Корову дождались 27 мая. Очень корова болела и теленок. Теперь, слава Богу, лучше. Годовая свинья. Не знаю, как бог сохранит супороса и два поросенка. Картошку в огород посадили, а на поле нет. Не знаю, когда спашут. Мелочь тожо посадили. Самон мережу потерял. Рыбу одно ведро насолили да старое ведро мяса у нас есть, капуста, ягоды есть. Слава богу, живем. Но только здоровья у меня нет, все болею, да ишо зубы болят. Новости такие. Крадут, убивают на Кургане. Ваню нищего избили за деньги. Мишка Федюнин утонул на рыбалке, так и не нашли. Везде пьянка, работать всем лить. Сережка, слушай родителей. Пока до свиданья. Мама и бабушка.

Орина, я болею, зимой задыхалась на улице, а теперь слабось. Несколь не могу ходить. В магазин не могу за хлебом. С бадагом хожу, да и я старая, видимо, от старости. Орина, к нам дорога дорогая. Но ладно, напередную путь как-нибудь, обратно мы дадим. Пишу плохо, как-нибудь разбери. Миша не пишот, Васса тожо не пишот. Меня позабыли, что ее мать. Спаси Христос тебя, хоть ты пишошь. Меня ненадолго. Я думала зиму не проживу, когда бы вы с Вассой приехали вместе. Я бы вам всё наказала, кому что благословить, у меня всё нажито с трудом. Нынче купили машину стиральную и сепаратор. И мотор, коей ты покупала, он не работает. Миша увез, машину ешо просит вторую ножную и ковер. Я сказала, у меня есть ишо Васса, и Ерина, Света, Тамара. Им что-то надо дать. А он не хочет письмо написать, да и внучки умеют писать. До свиданья. Прости меня.

* * *

Здравствуйте Васса и Толя.

Получили ваше приглашение, но нас не ждите, нам некогда. У Капы свадьба. Маня идет взамуж. 25 августа свадь-

ба, дак я неначею доехать, здоровье неважное. Как проведете вечер, напишите. Живем по-старому. Миша был семьею, гостили мало. Писала плохо, разберите. Как живете напишите. Васса, проздравляю с днем Ангелом. Мама. Самон.

* * *

Здравствуйте Васса и Толя.

Решила написать. От вас ждала письмо, так и не дождалась. Как вы живете, что делаете. Как здоровье у вас? Как с коровами, дождались или нет? Какой скот ишо? Васса, как на свадьбу ездили к Орине? Напиши, как Тамара живет. Некто не пишот мне, все меня позабыли. О себе пишу. Живем по-старому, корову держим и свинку. Большу оставили в зиму, теленка сдали в колхоз, а борова и свинку закололи. Мясо есть. Молоко, масло, сахар, мука, крупа — всё есть, только картошка была плохая. Ты, Васса, к Мише, наверное, ездись. Они мне ничего не пишут. Мы их ждем. На мясо, ишо что-нибудь дадим. Васса и Толя, когда к нам приедите? Как с сеном? Накосили? А мы накосили, но ишо не всё вывозили, ишо есть в Грезнухе. Егор у Капы болеет, у Анюты Корнилковых мать померла Настя. Пишите ответ. У меня здоровье плохое, да и у Самона пошатилось. Я уже старая, скоро исполнится 77 лет, 31 марта. Васса, ты работашь в тепличе, можот, достанешь симена хоть, только рассадные. До свиданья. Мама. Как живет Света? Мне никогда не пишот.

* * *

Здравствуйте Васса и Толя.

Получили от вас письмо, узнали, как живете, сколько картошки насадили и где брали на симена. Здесь приезжали из Соликамска и по четыреста рублей ведро закупали. Васса, за телкой следи, выпускай с молитвой, проси Богородичу. Пару слов про себя. У нас с коровой плохо, вовремя не взялась, вот только в Троичу отелилась. Где-то удар получила, доит с кро-

вью и молока меньше. Были большие отеки, отекало вымё. Последнее време не надо хлебным кормить, а мы кормили. Канбекормом телёнка поим. 3 поросенка с октября. Они картошку посадили ишо не всю, окучили. Я совсем сдала, не могу. Не знаю, как он будет косить. Миша ничего не пишот: придет, нет. Вы тожо не пишете. Я не нужна старуха никому. Светка Орине пишот. Купили 5 мешков сахара, 2 сечки, 5 мешков муки. Мясо есть, масло тожо. Здоровья нет. Пишите. Ответ жду. До свиданья. Рыбы мало, 2 ведра насолила, можот, еще уловит. Писала плохо, разберите как-нибудь. Мама.

* * *

Здравствуйте Васса и Анатолий.

Ты, Васса, хотела написать письмо, я всё ждала. А Орина написала, когда поехала из Перми, больше тожо нет. А я уже от Миши не жду, он забыл, что есть мать. Также внучки. О себе. Живем по-старому. Мяса накололи, корова ишо 3 литра дает, она доложна отелиться 20 апреля. 2 поросёнка ужо большие. Вот и все наше хозяйство. Новости. Микола Васиных умер. Настя Олешиха Кнезиных умерла. У Наташи Фетисковой Миша умер. Хоронять привезут дома, 19 похороны, в Крещенье. Как у вас, как корова доит, как с продуктами, как Толя, как ты, как у вас здоровье? Ходила в яму, в яме картошка в порядке. Пока до свиданья. Конверты дорогие. Я бы вам послала деньги в письме на конверты, но боюсь достанут. У нас деньги есть, но вы все далеко от нас. До свиданья. Мама.

* * *

Доброй день, здравствуйте Васса, Тома.

Получила от тебя письмо, никак не могу написать. Я, Васса, ишо при тебе заболела. И вот все еще болею. Лежала

в больнице неделю, немного лучше, но дома некому. Иван ездил сдавал месяц, вот только приехал. Одну дочку и барана сдала, ворс, деньги ишо не получила. Наверное, дают очень дешево, не знаю, насколько выйдет. А ету дочку жду. Холод какой. Из поросят ничего не вышло. 2 продала по 25 р., одного 15 р. Вот и доход такой. От Миши ни одного письма не получивала, как уехал. Жить скучно. К вам в гости собираюсь. Васса, по части поездки в Соликамск я не знаю, как советовать. На одном месте камень обрастает. С поездкой опять много канители тебе, теперь одни. Когда был Толя в Чердане, тебя всю залил грязью, что ты блядуешь и пьешь, за то и тебя Толя бросил. Это всё рассказала Маня Ерёминых, она живет у них в суседах. Он с ней пошел, а она думат с тобой и стала кликать Вассу. А он сказал «никакой Вассы нет». И она зашла, видимо, к им. Была она в Уролке, вот ете сплетни перенесла. А я ие не видяла, а то бы я всё спросила. Меня Устя Давыдовых в Покров выкорила, ей все ишо зло за Ваню, но я не уступила. Васса, ты мне во сне виделась, небаско вроде. Маленькая сидишь в кадце в ягодах в красных наглухо закрыта. Я так и тебя не достала. Ишо сон видяла: шаль б пуховую потеряла новую, даже пробудилась так дрожу. Вот переживаю: что-нибудь случится. И Миша видялся во сне, весь в крове, дерётся. Ты, Васса, не переживай о Толе, о такой гадине, только не пей и о нем не болтай ни с кем. Ты знаешь, что одна на чужой стороне. Говри с Ориной. Пиши скорей, как получишь письмо. Пишу плохо. Разбирай. Пиши как Галкины. Они что-то не пишут. Я собираюсь к вам погостить. Пока. До свиданья. Ежли Толин адрес знашь, пошли мне. Не переживай. Думай о себе.

Приложение №1

ДЕРЕВНИ УСТЬ-УРОЛКА И ВИЛЕСОВА
В ПЕРЕПИСНОЙ СТАТИСТИКЕ XVI – XXI вв.

Год	Тип поселения	Всего дворов и жителей	Дополнительные сведения. Источники
1579	Дер. Усть-Уролка на речке на Уролке	6 дв., 7 чел. м. п.	Жители: «Иванко Гилев да сын его Якуш, Тренка Прокопьев, Юшко Михайлов, Сенка Шебанов, Вилес Агафонов, Фетка Васильев». «Сена по Заполю и по Дубровам и на Сырме 80 копен». РГБ, ф. 256, д. 308, л. 35.
1624	Дер.еУролка на устье речки Уролки Поч. Вилесова на речке на Уролке	13 дв. жилых, 4 дв. пустых, 23 чел. м. п. 1 дв., 2 чел. м. п.	Фамилии: Ванев — 3, Остафьев — 1, Мамашев — 1, Шоломов — 3, Бадьянов — 1, Михалев — 1, Осипов — 1, Баутанов — 1, Челин — 1. Дворы пустые «Хвостинцова, Микитина, Юрьева, Поздейки Костянтинова». Житель «Фролка да Первушка Ивановы дети Вилесовы». Мельница муговка на р. Торжере РГБ, ф. 256, д. 308, л. 104 об. — 105
1647	Дер. Уролка на устье речки Уролки Дер., что был починок Вилесова на речке на Уролке	27 дв., из них 9 дв. пустых, 30 чел. м. п. 2 дв., 2 чел. м.п.	Фамилии: Шаламов — 9, Якутов — 5, Базганов — 4, Михалев — 2, Зарубин — 1, Есипов — 1, Чалков — 1, Мамаев — 1, Шебунин — 1, Шадрин — 1, Пиняженин — 1. Жители ушли в Пыскор, на Сылу «за Пыскорский монастырь», в «Строгановы слободы», «Лимежский стан Чердынского уезда». Жители: «Фролка Иванов сын Вилесов, бобиль Первушка Григорьев сын Вилесов». РГАДА, ф.1209, кн. 351, л.140 об. — 143.
1678	Дер. Уролка на Усть-Уролке. Дер., что был починок Вилесова на р.Уролке.	34 дв., 6 дв. пустых, 92 чел. м.п. 1 дв., 1 дв. пустой, 7 чел. м.п.	Фамилии: Якутов — 8, Шаламов — 4, Бачганов — 3, Якшин — 3, Зарубин — 2, Михалев — 2, Кучев — 2, Сторожев — 2, Голдобин — 1, Дудыков — 1, Кайгородец — 1, Мамаев — 1, Першин — 1, Чепыштанов — 1, Шабунин — 1, Тотаринов — 1. Жители: «Ивашка да Илюшка Останевы дети Вилесова, у Ивашка дети Петрушка да Федка да Митрофанко осьми лет, да Ивашка двух лет, да Митка полугоду»; «Двор пуст Фролка Иванова сына Вилесова, а он умер в 1666 году, а двором и пашенною землею владеет Ивашко да Илюшка Останевы дети Вилесова с 1671 году». РГАДА, кн.352, л. 348-351 об.
1746 – 1747 II ревизия	Дер. Усть-Уролка. Дер. Вилесова	30 дв., 84 чел. м. п. 2 дв., 5 чел. м. п.	Фамилии: Сторожевы — 6, Мамаев — 6, Шаламов — 4, Зарубин — 3, Сандраков — 3, Михалев — 2, Скобелин — 2, Рыков — 1, Стариков — 1, Голдобин — 1, Ментьев — 1. Фамилии: Боринских, Хохрин. РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 4053, л. 189-199.

Год	Тип поселения	Всего дворов и жителей	Дополнительные сведения. Источники
1762 III ревизия	Дер. Усть-Уролка Дер. Вилесова	45 дв., 77 чел. м.п. 3 дв., 5 чел. м.п.	Из 84 чел. выбыло: умерло 32 чел., отдано в рекруты 4 чел., 1 чел. бежал, 1 чел. перешел в другое жительство. В подушный оклад положено 46 чел. Вновь рожденных (после предыдущей II ревизии 1747 г.) 31 чел. «Всего состоит на лицо с прибыльными и вновь рожденными 77 чел., из них женского полу 59 чел.» РГАДА, ф.350, оп.2, д.4055, л. 239 об – 254.
1801 V ревизия	Дер. Усть-Уролка Дер. Уролка (Вилесова)	101 чел. м. п. 26 чел. м.п.	Примечание: для сравнения — в погосте Пянтег, которому подчинялась д.Усть-Уролка, проживало 83 чел. РГВИА, ф. ВУА, д.18925, л. 42.
1834 VII ревизия	Дер. Усть-Уролка Дер. Вилесова	36 семей, 273 чел., из них: 126 чел. м.п., 147 чел. ж.п. 4 семьи? 18 чел. м. п., 19 чел. ж.п.	Фамилии: Сандраков — 6, Мамаев — 6, Шаламов — 5, Зарубин — 4, Сторожев — 3, Якутов — 3, Михалев — 2, Усолкин — 1, Антипин — 1, Дементьев — 1, Рыков — 1, Жланов — 1, Лопарев — 1, Артемов — 1. Фамилии: Боринских — 4. ГАПО, ф. 111, оп. 1, д. 2367 (Лимежская вол.).
1889	Дер. Усть-Уролка Дер. Вилесова	45 дв., 285 чел. 10 дв., 61 чел.	Сборник статистических сведений по Чердынскому уезду Пермской губернии. Пермь, 1889. С. 604—605.
1897	Дер. Усть-Уролка Дер. Вилесова	64 дв., 412 чел., из них 210 чел. м.п., 202 чел. ж.п. 13 дв., 70 чел., из них: 32 чел. м.п., 38 чел. ж.п.	Список населенных мест Пермской губернии: Чердынский уезд. Пермь, 1897. С. 53, 58.
1909	Дер. Усть-Уролка Дер. Вилесова	79 дв., 517 чел. 15 дв., 128 чел.	Кривошеков И.Я. Словарь географическо-статистический... С. 749—750.
1981	Дер. Усть-Уролка Дер. Вилесова	315 чел., 31 чел.	Пермская область: административно-территориальное деление на 1 января 1981 г. Пермь, 1982. С. 192.
2009	Дер. Усть-Уролка Дер. Вилесова	117 чел. —	В 2007 г. последние жители переехали в д. Усть-Уролку.

**СОСТАВ СЕМЕЙ ЗАРУБИНЫХ,
СТОРОЖЕВЫХ, БОРИНСКИХ**
(по данным VII ревизии 1834 г.)

I. Деревня Усть-Уролка

1. **Савва Артемьев Зарубин** 56 лет, его жена Анна 55 лет.
Сыновья: 1) Матвей Савельев 26 лет, его жена Акинья 35 лет, у них дети: Сергей 10 лет, Федор 3 лет, Марфа 12 лет, Евдокия 5 лет.
2) Феофан 23 лет.
2. **Василий Никифоров Зарубин** 43 лет, его жена Евдокия 30 лет.
Сыновья: 1) от первой жены Андрей 23 лет, его жена Наталья 20 лет, их дочери Акинья 3 лет, Анна 1 месяца.
2) от второй жены Еремей 11 лет.
Дочери: Марфа 15 лет, Анна 9 лет.
3. **Варфоломей Никонов Зарубин**, умер в 1832 г., его жена Елена 60 лет.
Сын: 1) Иван 34 лет, его жена Евдокия 32 лет, у них дети: Михайло 17 лет, Козьма 6 лет, Федосья 10 лет, Софья 1 года.
2) брат Варфоломея Никонова Емельян 50 лет, его жена Варвара 46 лет,
их дети: Корнило 21 года, его жена Прасковья 20 лет.
4. **Данило Иванов Зарубин**, умер в 1827 г., его жена Опросинья 55 лет.
Сыновья: 1) Яков, в рекрутах, отдан в 1819 г., 34 лет. Его жена Анисья 27 лет. У них дочери Александра 10 лет, Мария 5 лет.
2) Абрам 24 лет
3) Николай 20 лет, его жена Матрена 21 года, их сын Егор (?) лет.
Дочь Матрена 17 лет.

5. **Трофим Егоров Сторожев** 44 лет, его жена Катерина 40 лет, их дочери Степанида 12 лет, Федосья 10 лет.
6. **Исаак Абрамов Сторожев**, умер в 1818 г.
Сын Феоктист 24 лет, его жена Евдокия 27 лет, их дочери Татьяна 10 лет, Агафья 5 лет.
7. **Афанасий Кирилов Сторожев** 43 лет, его жена Прасковья 39 лет.
Сын Егор 17 лет, дочери: Акинья 14 лет, Марфа 10 лет, Александра 4 лет, Ольга ? лет.

II. Деревня Вилесова

1. **Федул Фотеев Боринских** 47 лет, его жена Феодора 51 года.
Сын Иван 16 лет, сноха — Иванова жена Ирина 43 лет.
Дочь Дарья 15 лет.
Незаконнорожденные дочери Федула: Марфа 18 лет, Федосья 14 лет.
2. **Иван Емельянов Боринских** 43 лет, его жена Марфа 30 лет.
Сын Семен 7 лет.
Дочери: Катерина 13 лет, Елена 6 лет.
Брат Ивана Емельянова Семен 40 лет, его жена Татьяна 30 лет, у них сын Прохор 9 лет, дочери Елена 5 лет, Марфа 2 лет.
Племянник Ивана Емельянова Петров сын Мирон 24 лет, его жена Прасковья 25 лет, сын Михей 3 лет, дочь Мария 2 лет.
3. **Иван Јовин Боринских** 34 лет, его жена Катерина 39 лет.
Сыновья: Трофим 16 лет, Филипп 3 лет.
Дочь Прасковья 8 лет.
4. **Клементей Нифантов Боринских** 51 года, его жена Анна 50 лет.
Сыновья: 1) Тимофей 26 лет, его жена Евдокия 25 лет, у них сыновья Кондратий 3 лет, Феоктист 1,5 лет.
2) Макар 22 лет.
3) Иван 17 лет.
4) Иван 14 лет.
Брат Клементья Нифонтова Иван 48 лет, его жена Степанида 40 лет, у них дочь Лукирья 16 лет.

III. Деревня Амбор

1. Дементий Михайлов Сторожев 27 лет, его жена Василиса 26 лет.

Сын Стафей 6 лет.

Дочь Евдокия 3 лет.

Брат Дементия Василий 25 лет.

Источник: ГАПО, ф.111, оп.1, д. 2367 (Лимежская волость), л. 41 об—42, 47 об—48, 63 об—64; 71 об—72, 76 об—78.

Примечание. В других деревнях Лимежской волости Чердынского уезда Зарубины, Сторожевы и Боринских не проживали.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Уролка, Усть-Уролка... Очерк Чагин Г.Н.	6
Фокеевна. Документальная повесть.	
Подюков И.А., Шляхова С.С.	30

М. Давыдов Андрей
У. Давыдов Михаил Иванович 27 лет, отец жена Наталья
36 лет
Сын Сергей 6 лет
Дочь Валерия 3 лет
Брат Дмитрий Александрович 25 лет.

История: ГАЮ, ф. 111, об. 1, л. 2367 (Лавская Мария)
л. 41 об—42, 47 об—48, 62 об—64, 71 об—72, 76 об—78.

История: В. Давыдов Андрей Иванович (Лавская Мария)
статья о семье Давыдовы, Старожиловы и Давыдовы на страницах

ООО «Издательство «Сота»
614077, г. Пермь, бульвар Гагарина, 46,
Тел./факс: (342) 259-11-68, 259-11-69
E-mail: sota_perm@mail.ru

Подписано в печать 07.04.2009 г.
Формат 60x90/16. Бумага ВХИ.
Тираж 1000 экз.

Дом Сандраковых (Обрашиных)

With grandchildren and husband Samon

Klavdiya Mitrofanovna Deментьева

Gravestone of A. F. Storozh

Page from 'Ostokh' with handwritten text and decorative elements.

